

РЕЛИГИОЗНОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОТЕСТАНТСКАГО ЗАПАДА.

Представить религиозное состояние протестантскаго запада, правильно понять это состояние и безпристрастно обсудить его—дѣло очень не легкое. Понятія нашихъ русскихъ богослововъ и свѣтскихъ представителей науки, почерпнутыя не изъ знанія дѣйствительнаго положенія вещей, не изъ непосредственныхъ наблюденій, а лишь изъ книгъ и частью поверхностнаго знакомства съ дѣломъ, большей частью сводятся къ благопріятнымъ выводамъ. Да иначе и быть не можетъ: въ книгѣ и при бѣгломъ знакомствѣ трудно уловить истинную сущность дѣла; всегда найдутся данныя для благопріятнаго сужденія даже и при отрицательныхъ явленіяхъ въ этой области. Иное дѣло книжный матеріалъ сравнить съ непосредственными, долгими и тщательными наблюденіями, сопоставить ихъ и сдѣлать безпристрастный выводъ. А этотъ выводъ будетъ далеко иной, чѣмъ тотъ, какой господствуетъ въ нашей свѣтской и духовной литературѣ.

Но все-же: не слишкомъ-ли смѣла наша попытка судить о религиозномъ состояніи протестантскаго запада? Литературныхъ источниковъ по этому вопросу не много. Прежде всего, въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія докладъ „о религиозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ протестантскаго міра“, произнесенный въ 1898-мъ году на девятомъ соціально-евангелическомъ конгрессѣ въ Берлинѣ, пастора Раде. Раде разослалъ массу вопросныхъ листовъ ко всѣмъ сословіямъ протестантскаго исповѣданія¹ и получилъ на нихъ отвѣты, могущіе дать точную картину современнаго религиознаго со-

стоянія протестантскаго запада. Онъ поставилъ слѣдующіе вопросы:

1. Церковь и духовенство различныхъ исповѣданій?
2. Значеніе проповѣди.
3. Церковные праздники (Рождество, Пасха, Троицынъ день). Имѣютъ-ли они религіозное значеніе?
4. Значеніе крещенія, причащенія, вѣнчанія, погребенія, конфирмаціи.
5. Значеніе Библии.
6. „ Христа.
7. „ Лютера и реформаціи.
8. О Богѣ, міротвореніи и чудесахъ.
9. О смерти и загробной жизни.
10. О бракѣ и семейной жизни.
11. О христіанской благотворительности.
12. Личное мнѣніе о томъ: чѣмъ создается нравственно-прекрасный человѣкъ? Какими свойствами онъ долженъ обладать?

Что было всего неожиданнѣе для Раде, такъ это то, что сравнительно большая часть отвѣтовъ была прислана крестьянами и рабочими на фабрикахъ. Это, какъ придаетъ его докладу большій интересъ—ознакомленіе съ религіозными воззрѣніями низшаго класса, такъ и полноту, такъ-какъ въ своемъ докладѣ Раде приводитъ самые характерные и вмѣстѣ съ тѣмъ обобщенные отвѣты, полученные отъ всѣхъ классовъ протестантскаго міра. Если даже высказать сомнѣніе въ цѣлесообразности такого опроса о религіи,—принять воззрѣніе, что не всѣ такъ думаютъ въ глубинѣ сердца, какъ они высказали въ отвѣтахъ на основаніи лишь того, что они читали по тому или иному вопросу,—подозрѣвать, что процентъ сознательно невѣрующихъ гораздо меньше, чѣмъ даетъ право заключать этотъ докладъ,—то все-же объ общемъ образѣ мыслей, кто лишь мало-мальски знаетъ протестантскую среду, нужно признать, что отвѣты Раде живая фотографія жизни, вѣрная даже въ самыхъ мелочахъ. Кромѣ Раде, заслуживаетъ вниманія книга пастора Гёре „Три мѣсяца фабричнымъ рабочимъ“, недавно перешедшаго въ лагерь социаль-демократіи. Но этотъ переходъ все-же не можетъ служить поводомъ, чтобы отрицать, какъ это дѣлаютъ протестантскіе пасторы, всякое значеніе за ней. Напротивъ,

Гёре (Göhre) въ своей книгѣ является и безпристрастнымъ наблюдателемъ, и остроумнымъ писателемъ и полнымъ знатокомъ дѣла. Свою книгу онъ написалъ будучи кандидатомъ,—когда на немъ еще не сказалось вліяніе протестантской консисторіи, старающейся всюду выставить и всѣмъ внушить, что все обстоитъ прекрасно, и не останавливающейся даже предъ дисциплинарными мѣрами противъ пасторовъ, не раздѣляющихъ ея взгляды,—и въ ней онъ многое освѣтилъ гораздо правильнѣе, чѣмъ официальные отчеты евангельскаго союза. Еще большее значеніе имѣеть для насъ въ этомъ вопросѣ книга Тюрингенскаго пастора Гебгардта (Gebhardt) „Къ крестьянскому вѣро-и-нравоученію“ („Zur bäuerlichen Glaubens—und Sittenlehre“), не смотря на то, что Гебгардтъ въ этой книгѣ не столько изображаетъ религіозно-нравственныя воззрѣнія крестьянъ, какъ онѣ развились въ рабочемъ сословіи подъ вліяніемъ натурализма и социалистической агитаціи, сколько то положеніе, какое занялъ тюрингскій крестьянинъ въ настоящее время по отношенію къ религіи и нравственности. И это послѣднее весьма важно для насъ, чтобы понять: почему невѣріе у пизшихъ сословіи приняло столь острую форму.

Не мало матеріаловъ по данному вопросу можно найти и въ сочиненіяхъ социаль — демократовъ, такъ-какъ до сихъ поръ еще никто не пытался изобразить: какъ обстоитъ дѣло съ религіей и нравственностью въ кругу народа, подпавшаго вліянію социаль-демократіи. Понятно, что сочиненія социаль-демократіи, соприкасающіяся съ религіозной областью, суть агитаціонныя сочиненія, имѣющія цѣлью бороться съ христіанскою церковью, и по нимъ можно иногда составить ложную картину, если будетъ принято, что всѣ высказанныя въ нихъ воззрѣнія—суть неотъемлемая принадлежность социаль-демократическаго рабочаго круга: нѣтъ, эти воззрѣнія часто лишь воззрѣнія авторовъ книги, или-же ограниченнаго числа ихъ послѣдователей, съ каковыми воззрѣніями весьма часто лучшая и большая часть социаль-демократическаго рабочаго круга вовсе не согласна.

Къ этимъ источникамъ по нашему вопросу присоединяется еще и собственный, довольно продолжительный опытъ: намъ привелось имѣть знакомство почти со всѣми кругами протестантскаго общества: и съ рабочими въ большихъ и ма-

лыхъ городахъ и мѣстечкахъ, и съ образованными классами, и съ представителями протестантства—пасторами, и эти личныя впечатлѣнія займутъ не послѣднее мѣсто въ безпристрастномъ изложеніи нашего вопроса. Изъ всего сказаннаго, читатель можетъ видѣть, что мы стоимъ въ не неудобномъ отношеніи къ вопросу, который намѣрены изслѣдовать, и что мы, главнымъ образомъ, займемся отгвѣненіемъ тѣхъ сторонъ изслѣдуемаго вопроса, которыя особенно глубоко пустили корни въ народной душѣ и не могутъ быстро исчезнуть изъ нея. Изобразить именно это — и составляетъ нашу задачу.

И если наши личныя наблюденія народной жизни займутъ не послѣднее мѣсто, то все-же въ нашемъ сужденіи о религіозномъ состояніи протестантскаго запада имъ не будетъ дано предвзятости, такъ-какъ мы вполне сознаемъ, что религіозный строй народа нельзя уподобить обоямъ съ одинаковымъ рисункомъ, но скорѣе дереву, на которомъ вѣтви и листья хотя и имѣютъ нѣкоторое единообразіе, но все-же во многихъ отношеніяхъ и различаются между собой. Поэтому, не всѣ классы протестантства въ нашемъ вопросѣ могутъ быть подведены подъ одну рубрику, такъ-какъ эти классы различаются: и по ихъ соціальному положенію, и по ихъ историческому складу мысли, и по условіямъ окружающей ихъ среды, каковыя каждый человекъ можетъ обсуждать съ своей точки зрѣнія. Будетъ критикъ—пессимистъ, онъ извлечетъ изъ предложеннаго нами вопроса и пессимистическія воззрѣнія; будетъ онъ—оптимистъ — и его выводъ будетъ оптимистическій. Мы, при изложеніи вопроса, не принадлежимъ ни къ пессимистамъ, ни къ оптимистамъ, а потому питаемъ надежду, что тотъ, кто знаетъ протестантскій западъ, согласится, что, въ основныхъ чертахъ, мы даемъ вѣрную картину нашего вопроса. Да, если кто и не согласится съ нами, то нашъ трудъ все-же не будетъ бесполезнымъ дѣломъ: онъ дастъ поводъ иному лучше понять и изучить предложенный нами вопросъ и вывести изъ него болѣе правильныя слѣдствія, если замѣчена будетъ погрѣшность въ нашемъ трудѣ.

Понятно, что я не беру на себя задачи изобразить всѣ стороны религіознаго состоянія протестантскаго запада, и ограничусь лишь важнѣйшими, характеристичнѣйшими про-

явленіями религіозной жизни, дабы, по возможности, представить ясную картину религіозныхъ воззрѣній и то вліяніе, какое оказали на нее обстоятельства времени. Первоначально я хотѣлъ слѣдовать порядку вопросовъ, предложенныхъ Раде, и, на основаніи полученныхъ отвѣтовъ, привести драгоценный матеріалъ въ одно цѣлое. Но выборъ вопросовъ со стороны Раде нѣсколько не удовлетворилъ меня, такъ-какъ Раде, напр., совершенно не ставитъ вопросовъ о грѣхѣ, молитвѣ и пр., а потому, не опуская изъ виду вопросовъ Раде, я буду попутно касаться и этихъ пунктовъ, такъ-какъ въ нихъ всего яснѣе сказывается религіозная сторона дѣла. Въ самомъ изложеніи я буду придерживаться также протестантскаго катихизиса, обративъ первоначально вниманіе, какъ и Раде, на воззрѣнія относительно церкви, потому что онѣ въ нѣкоторомъ отношеніи служатъ основаніемъ къ остальнымъ пунктамъ. Послѣ этого я перейду къ вопросамъ о библіи, въ связи съ вопросомъ о твореніи міра, о Богѣ, Христѣ, грѣхѣ, безсмертіи и суевѣріяхъ, о молитвѣ и таинствахъ. Затѣмъ, я не опущу также безъ вниманія и церковныя дѣйствія: конфирмацію, вѣнчаніе и погребеніе, взгляды на Лютера и реформацію, а въ концѣ покажу отношеніе протестантскаго міра къ христіанской нравственности.

Итакъ, познакомимся, первоначально, съ тѣмъ взглядомъ, какой высказываетъ протестантское общество на церковь и ея служителей. Если въ настоящее время высшіе классы и буржеры (торговый классъ) не стоятъ въ столь враждебномъ отношеніи къ церкви, какъ нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, признаютъ необходимость церкви, хотя и желаютъ значительныхъ преобразованій въ ея ученіи, и даже, если сами и отрицаютъ церковь, то все-же желаютъ ее сохранить для женщинъ, дѣтей и особенно для низшихъ классовъ, дабы они не предались вполне наслажденіямъ, грубости, безчувствію и революціонному образу мыслей, говорятъ, что церковь невозможно замѣнить ни законами, ни школой, то это вовсе не говоритъ за то, что они считаютъ свою церковь провозвѣстницей божественной воли. Нѣтъ, тутъ говорятъ лишь одно эгонистическое чувство страха, что ихъ собственные, идолы—маммонъ, нажива и жизнь трудомъ другихъ будутъ поколеблены, если религія будетъ потрясена. Церковь для нихъ лишь охранительница ихъ денежнаго мѣшка. Такое

отношеніе къ церкви высшихъ классовъ и торговаго класса всего болѣе отразилось на рабочемъ классѣ, возбудило въ немъ недовѣріе къ церкви и бросило въ ряды социаль-демократіи, постаравшейся еще болѣе раздуть это недовѣріе. И эти старанія социаль-демократіи не остались безплодными. Онѣ отразились не только на низшемъ классѣ, но и на всѣхъ прочихъ. Если низшіе классы считаютъ церковь средствомъ борьбы владѣющихъ классовъ и государства, чтобы подавить рабочее движеніе, приспѣшницей капитализма ¹⁾, то высшіе классы считаютъ ее врагомъ науки и знанія, преслѣдующимъ тѣ-же цѣли принудительнаго навязыванія готовой истины, какъ въ католицизмѣ, нетерпимой гонительницей всякой самостоятельной религіозной мысли, безсердечной и безучастной зрительницей нужды и бѣдствій собратій, такъ какъ, въ силу своего ученія о невидимой церкви, церкви святыхъ, она не обязана любовью къ ближнимъ считать своей высшей и главной задачей ²⁾. Если еще и высказывается иногда мнѣніе, что въ прошломъ церковь была полезна и имѣла значеніе, то въ настоящемъ о ней говорятъ, что она пережила себя и внутренне сдѣлалась неистинной и негодной, что она стала государственнымъ полицейскимъ институтомъ, искусственно и старательно сохраняемымъ государственной властью, что она стала вполнѣ зависимою отъ государства и должна дѣлать то, что приказано ей государствомъ ³⁾. Пасторы, желающіе способствовать требованіямъ истинной церкви и нуждамъ общества, не дѣлающіе различія между бѣднымъ и богатымъ, изгоняются безъ соблюденія всякихъ формальностей ⁴⁾, такъ-что и къ званію пасторовъ всѣ классы общества относятся крайне недовѣрчиво и враждебно. Низшіе классы прямо заявляютъ что пасторы принадлежатъ къ владѣющимъ классамъ, хорошо обеспечены и потому, въ своихъ собственныхъ интересахъ, охотно борются противъ рабочаго движенія и про-

1) В. Штудемундъ. Современное невѣріе у низшихъ классовъ. Шверинъ. 1901. Стр. 26—31.

2) Церковь, социаль-демократія, христіанство. Стр. 22—27. 45—52.

3) Е. Блѣбаумъ. (Blöbbaum). Вынужденныя объясненія о способѣ, какъ въ настоящее время именовемъ Императора управляется прусская церковь. Гейдельбергъ, 1901.

4) Т. Вилькоммъ. Мысли о религіозной свободѣ. Цвиккау. 1901.

тивъ всего, что неугодно государству, что направляется противъ насилія высшихъ классовъ. Поэтому, въ оппозиціонной литературѣ, пасторы постоянно иронически называются попами (Pfaffen), бонзами (Bonzen), и одно это уже показываетъ ту силу вражды и презрѣнія, какую общество обнаруживаетъ къ духовнымъ руководителямъ протестантства. Самое дурное, самое скандальное, если будетъ сказано о пасторѣ, находить у всѣхъ полную вѣру, безъ всякой критики и провѣрки часто прямо невозможнаго и бессмысленнаго обвиненія ¹⁾. Ошибка одного пастора, да и то часто крайне преувеличенная, приписывается всему званію; почти у всѣхъ преобладаетъ мнѣніе, что пасторы сами не вѣрятъ тому, чему учатъ, но проповѣдуютъ это лишь потому, что имъ платятъ ²⁾. Конечно, можно находить въ настоящее время, даже и у социаль-демократовъ, сочиненія, въ которыхъ не всѣ пасторы выставляются лицомъ рами, въ которыхъ говорится, что пасторы такъ говорятъ и такъ учатъ потому, что такъ вѣруютъ и убѣждены; но эти сочиненія крайне рѣдки, и представляютъ собою лишь, подъ видомъ добросовѣстнаго обсужденія вліянія историческаго материализма на жизнь народовъ, скрытую ловушку, чтобы сказать: религіозныя воззрѣнія христіанства, изъясняемыя изъ эко-

¹⁾ Въ данномъ случаѣ нисколько не лучше обстоитъ дѣло и по отношенію къ православному духовенству со стороны нашей лже-либеральной прессы. Всякій дурной поступокъ и у всѣхъ, а въ особенности у излюбленныхъ евреевъ, которыми полна вся лже-либеральная пресса, извинительны, найдутъ оправданіе въ прессѣ; не извинительны лишь промахи духовенства: ему судъ безъ милости. Невольно приходятъ на умъ слова Спасителя по отношенію къ такимъ лицамъ: „что видишь сучекъ въ глазу брата, а въ своемъ глазу бревна не замѣчаешь“.

²⁾ Понятно, что мы не можемъ отрицать, что проповѣдь нѣкоторыхъ пасторовъ подтверждаетъ это воззрѣніе общества и наноситъ несправимый ущербъ воплію преданнымъ своему дѣлу пасторамъ. Еще больший вредъ происходитъ отъ того, что на защиту такихъ невѣрующихъ пасторовъ выступаютъ и ихъ также невѣрующіе собратья, вносятъ этимъ раздоръ въ церковь и смуту въ общество, которое прямо не въ состояніи, въ силу этихъ писаній, рѣшить: на чьей сторонѣ истина? См. „Процессъ Вейнгарта въ его главныхъ документахъ и прибавленіяхъ“. Оснабрюкъ. 1900. К. Кюгельгенъ. „Задачи и границы протестантской догматики съ послѣсловіемъ о процессѣ Вейнгарта“. Тюбингенъ. 1900. Е. Зульце. „Смѣщеніе съ должности оснабрюккаго пастора Вейнгарта“. Тюбингенъ. 1900. и мн. др.

номическихъ основъ, въ прежнее время имѣли право на существованіе; и если и теперь нѣкоторые проводятъ эти воззрѣнія, то нѣтъ нужды называть ихъ лицемѣрами: ихъ нужно разсматривать просто какъ лицъ отсталыхъ отъ нашего времени. И такіе люди и такіа воззрѣнія, какъ были, такъ и будутъ еще долго существовать въ отдѣльности, потому что толпа не способна, чтобы тотчасъ усвоить себѣ смѣлое и безпристрастное сужденіе богато-одаренныхъ умовъ.

Очень вѣрную, но и очень печальную, картину отношеній низшаго класса къ протестантской церкви и духовенству рисуетъ Гёре, на основаніи сужденій своихъ товарищей по работѣ ¹⁾. Въ маленькихъ городкахъ и сельскихъ общинахъ вражда къ пасторамъ еще не такъ сильна, какъ въ промышленныхъ округахъ, населенныхъ сплошь социаль-демократами; но все-же она возрастаетъ, не смотря на то, что въ городкахъ и общинахъ пасторъ стоитъ въ близкихъ отношеніяхъ со своей общиной. Уваженіе къ пастору во всѣхъ сословіяхъ сильно упало послѣ того, какъ у пасторовъ отняли нѣкоторыя права по отношенію къ общинѣ. Введеніе чиновниковъ гражданскаго состоянія, обязанныхъ вѣдать браки и крещенія, еще болѣе повредило пасторамъ, такъ-что ихъ авторитетъ низведенъ былъ въ нулю. И если прежде пасторъ пользовался уваженіемъ, благодаря своей должности, то теперь дѣло стало совершенно иначе: уваженіе къ должности стоитъ въ зависимости отъ личности пастора. Любовь и уваженіе къ пастору стали такой рѣдкостью, что каждый случай проявленія этой любви и уваженія считается прямо исключительнымъ. Въ настоящее время пасторъ долженъ быть крайне остороженъ: всякій даже невольный промахъ съ его стороны—непоправимое зло, потому что этотъ промахъ никогда не простятъ ему. Слѣдующіе отвѣты, полученные Раде, ясно говорятъ о тѣхъ воззрѣніяхъ, какія господствуютъ въ протестантскомъ обществѣ по отношенію къ церкви и духовенству. „Церковь есть учрежденіе, чтобы держать въ зависимости массы и отдѣльныхъ лицъ. Безъ духовенства мы были-бы много довольнѣе“. „Церковь въ настоящей ея формѣ я считаю за учрежденіе, существенная задача котораго препятствовать развитію народа, и это тѣмъ

---

¹⁾ Гёре. Три мѣсяца фабричнымъ рабочимъ. Стр. 176 и дал.

болѣе вѣрно, что евангелическое духовенство по рожденію, воспитанію и образованію принадлежитъ къ владѣющимъ классамъ. И если государство наказываетъ пасторовъ, серьезно исполняющихъ свои обязанности, то это лишь подтверждаетъ выше высказанную мысль. Вообще, большинство вышло-бы изъ церкви, если-бы принадлежность къ ней не была связана съ матеріальными выгодами“. „Протестантскіе пасторы—всегда были и будутъ батраками владѣющихъ классовъ; если они (пасторы) иногда и пытались исполнять свое дѣло по совѣсти, то косою взглядъ свыше, или просто грозный окрикъ—указывалъ имъ всегда ихъ мѣсто“. „Протестантская церковь не есть церковь въ ея истинномъ понятіи и значеніи, потому что въ ея общинномъ церковномъ совѣтѣ и въ синодахъ засѣдаютъ свѣтскія лица изъ высшихъ сословій. Мало того, въ самой церкви не для всѣхъ есть мѣсто, и до тѣхъ поръ, пока существуетъ покупка мѣстъ въ церкви, рабочіе и небогатые люди по неволѣ должны избѣгать церкви. Самое духовенство заботится не о душѣ членовъ общины, а о благосклонности богатыхъ, презираетъ бѣдныхъ и вина, что масса народа стоитъ на столь низкомъ духовномъ и нравственномъ уровнѣ, есть прямая вина духовенства. Этимъ я не отрицаю, конечно и того, что честный пасторъ немыслимъ въ протестантской церкви, такъ какъ, если онъ по совѣсти исполняетъ свой долгъ, онъ тотчасъ впадетъ въ конфликтъ съ духовными присутствіями“. Не мало есть и такихъ лицъ, которыя высказываютъ воззрѣніе, что церковь институтъ, противный культурѣ, что она служитъ лишь для того, чтобы держать народъ въ непроглядной глупости. Въ сообщеніи Раде приведено немало и такихъ отвѣтовъ. „Церковь есть учрежденіе, которое, въ настоящемъ его видѣ, служитъ для духовенства средствомъ полученія доходовъ, а для народа она есть учрежденіе, чтобы держать народъ въ невѣжествѣ и смиреніи, при чемъ ни одно исповѣданіе не соглашается съ другимъ; этимъ уничтожается самая цѣль церкви и церковь приноситъ лишь народу очень тяжелый расходъ“. „Церковь и духовенство, все равно какого-бы исповѣданія они ни были, имѣютъ единственную цѣль — споспѣшествовать глупости людей“. Конечно, можно сомнѣваться, что эти воззрѣнія, какъ онѣ высказаны въ отвѣтахъ, захватили всю протестант-

скую среду; но нельзя отрицать, что онъ присущи чуть не половинѣ протестантовъ. Тотъ изъ протестантовъ, кто читалъ „Женщину“ Бебеля, естественно-научныя и дарвинистическія книги, свободно выдаваемые изъ библиотекъ, тотъ уже мнитъ себя достигшимъ вершины знанія, не цѣнитъ ни капли богословскаго знанія и считаетъ Библію и церковь, проповѣдующую эту Библію, просто учрежденіемъ для оглушенія. И, къ сожалѣнію, число такихъ лицъ, и въ деревнѣ и городкахъ, не незначительно. Если еще тамъ не такъ сильно дѣйствуютъ ученія, что протестантская церковь есть институтъ оглушенія, то гораздо болѣе сильное вліяніе оказали ученія, что церковь предпочитаетъ богатыхъ бѣднымъ, что она средство удержать простой народъ въ покорности власти. И если число отпаденій отъ церкви въ городкахъ и деревняхъ не приняло еще устрашающаго размѣра, то это нужно лишь приписать страху очутиться внѣ закона, страху неприяностей и отъ членовъ общины и полицейской власти. И такое положеніе дѣла не безызвѣстно и самой протестантской церкви. Представители протестантизма на мѣстномъ синодѣ въ Дрезденѣ въ маѣ 1901-го года единогласно рѣшили ходатайствовать предъ правительствомъ: а) принять мѣры для защиты евангелической церкви и ея правъ противъ соціалъ-демократіи и католицизма; б) провести эти мѣры для защиты въ законодательномъ порядкѣ; в) принять мѣры противъ распространенія сектъ и г) во всѣхъ случаяхъ поддерживать евангелическую церковь авторитетомъ государственной власти, какъ на родинѣ, такъ и въ другихъ странахъ. Ходатайство краснорѣчиво свидѣтельствующее о свободѣ совѣсти въ протестантизмѣ: какъ германскій императоръ стремится всюду насадить нѣмецкую культуру „желѣзнымъ кулакомъ“, такъ и протестантская церковь говоритъ о свободѣ совѣсти, и въ то же время показываетъ этой свободѣ совѣсти тотъ же „желѣзный кулакъ“. Насъ особенно неприятно поразила эта сторона дѣла, когда мы въ Іенѣ, предъ отправленіемъ нѣмецкихъ солдатъ въ Китай, прослушали проповѣдь военнаго пастора солдатъ. Эта проповѣдь была точной копіей стараго бурбона, а никакъ не христіанина: въ ней говорилось о всемъ: и о любви къ отечеству, оказываемой свирѣпостью и кровожадностью, и о вѣрности императору, проявляемой безсѣдечностью—не да-

вать никому пощады, и о свободѣ протестантскаго убѣжденія, позволяющаго смотрѣть на убійство неповиннаго, какъ на долгъ; не говорилось въ этой проповѣди только объ одномъ—о Христѣ и о томъ, что нѣмецкіе солдаты тоже христіане и не должны забывать и объ этомъ своемъ званіи. Объ этомъ почтенный проповѣдникъ счелъ за лучшее умолчать.

Но если таково отношеніе протестантскаго общества къ своей церкви, то невольно приходитъ на мысль спросить: каково отношеніе общества къ Библии, этому основному источнику для протестанта въ его вѣрѣ? Здѣсь прежде всего нужно замѣтить, что, по отзыву самихъ протестантовъ ¹⁾ нѣмецкій народъ, какъ прежде не читалъ, такъ и теперь вовсе не читаетъ Библию и довольствуется лишь книгой для пѣнія (Gesangbuch), этого biblia pauperum (библию бѣдняковъ). Но прежде народъ все-же считалъ Библию святой книгой, чтить ее, а теперь, напротивъ, авторитетъ Библии сильно потрясенъ. Теперь уже не указываютъ, какъ прежде, на тѣ чудеса, которыя представлялись невозможными, немислимыми, какъ остановка солнца по молитвѣ Иисуса Навина, рѣчь ослицы Валаамовой, или пребываніе Іоны три дня во чревѣ кита, но прямо отрицаютъ Библию, на основаніи научныхъ данныхъ и особенно исторію творенія міра ²⁾. Мы не будемъ распространяться о томъ огромномъ уваженіи социаль-демократіи къ мнимо-научнымъ, т. е. материалистическимъ и социалистическимъ гипотезамъ, презирающей всѣ прочія науки, какъ будто-бы служація лишь классовымъ интересамъ, и восхваляющей выводы материализма, подобно древнимъ Ефесянамъ, „велика Діана Ефесская“ безъ всякаго понятія о томъ, что она восхваляетъ; но приведемъ лишь нѣсколько отзывовъ, поступившихъ на вопросы Раде: „Библия—самая дурная изъ всѣхъ книгъ, существовавшихъ отъ начала міра. Особенно это нужно сказать о Ветхомъ Заветѣ“. И однако, никому изъ социаль-демократіи не пришло на мысль высказать подобное-же сужденіе о книгѣ Бебеля „Женщина“, и по тѣмъ-же основаніямъ, на какихъ осуждается Библия, потому что Ветхий Заветъ, по сравненію

¹⁾ Штудемундъ. Цит. соч. стр. 31.

²⁾ Конрадъ. Что нужно знать объ исторіи творенія міра? Берлинъ. 1900.

съ книгой Бебеля, лишь цвѣточки, а ягоды вполне поспѣли лишь у Бебеля.—На ряду съ этимъ воззрѣніемъ, или лучше обуславливая это воззрѣніе, выставляется мнѣніе, что Библия написана въ пользу богатыхъ и владѣтелей и, что если-бы жизнь, дѣйствительно, слагалась по Библии, то ее еще можно-бы было цѣнить. Входитъ въ оцѣнку этихъ воззрѣній излишне: невѣжество ихъ говоритъ само за себя. Мы укажемъ лишь только, что въ особенности подвергается нападкамъ исторія творенія міра, которую будто-бы наука совершенно ниспровергла. Поэтому, можно слышать, какъ, во всѣхъ слояхъ общества, говорятъ: „міръ не сотворенъ, а возникъ самъ собою, естественнымъ путемъ“, „Библейское твореніе міра достаточно уличено во лжи наукой“¹⁾. Въ данномъ отношеніи особенно вредное вліяніе оказала книга Арнольда. Доделя-Порта „Моисей или Дарвинъ“, сдѣлавшаго для себя, прямо рекламу исчисленіемъ на заглавномъ листѣ своихъ ученыхъ достоинствъ. Статистически доказано, что это самая распространенная книжка среди рабочаго и средняго класса, не смотря на то, что это крайне поверхностная и вздорная книжонка. Сочинитель ея крайній дарвинистъ, въ своихъ воззрѣніяхъ далеко выступающій за предѣлы воззрѣній Дарвина и, кажется, твердо убѣжденный въ правдѣ своихъ воззрѣній. Это фанатикъ дарвинизма, котораго фанатизмъ сдѣлалъ совершенно слѣпымъ, такъ-что Доделъ вовсе не видитъ тѣхъ противорѣчій, какія наука указываетъ въ этой теоріи: эти противорѣчія для него просто не существуютъ. Лишь поверхностно онъ касается самыхъ неважныхъ изъ этихъ противорѣчій, но считается съ ними онъ считаетъ прямо излишнимъ. Понятно, что тотъ, кто не привыкъ мыслить научно, не замѣтитъ этихъ пробѣловъ въ доказательствахъ Доделя; понятно отсюда и то, почему рабочіе и средніе классы увлечены этой книжкой, написанной живымъ и очень искуснымъ образомъ. Притомъ, книжка не велика, такъ-что вполне по силамъ рабочему и среднему классу, не утомляетъ ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и прививаетъ ложное воззрѣніе, что-будто-бы весь научный міръ и большая часть богослововъ стоитъ на сторонѣ дарвиновскаго происхожденія міра и рѣшительно

---

1) Шпиккерь. Цит. соч. стр. 248—258.

отрицаетъ сказаніе Моисея. Въ концѣ книжки Додель требуетъ, чтобы дарвинизму было отведено выдающееся мѣсто въ школьномъ обученіи. Вообще, эта книжка оказала такое-же вліяніе на рабочій и средній классъ, какое на высшій ранѣе оказало сочиненіе Бюхнера „Сила и матерія“. Къ сожалѣнію, протестантская церковь очень мало сдѣлала, чтобы раскрыть, что эта натуралистическая теорія есть не болѣе какъ гипотеза далеко недоказанная и неустойчивая; не постаралась изъяснить народу исторію творенія міра, дабы внести ясность въ воззрѣнія народа по этому вопросу, предохранить народъ отъ увлеченія этими ненаучными гипотезами, и показать ему, что начало міра и происхожденіе жизни до сихъ поръ остается для науки загадкой ¹⁾).

Изъ Библии мы получаемъ также и понятіе объ истинномъ Богѣ. Поэтому, вполне естественно спросить: какое-же понятіе о Богѣ существуетъ у протестантовъ, если они не признаютъ за Библіей никакого авторитета? На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить, что высшіе, образованные классы давно порвали всякую связь съ вѣрой въ личнаго Бога. Свидѣтельство Библии, доказательства бытія Божія для нихъ давно стали лишь логической игрой обосновать и доказать то, что нельзя обосновать и доказать и что противорѣчитъ здравому разсудку ²⁾. Въ виду этого, высшіе классы признаютъ лишь атеизмъ, т. е. для нихъ не существуетъ Бога, ни какъ личности, ни какъ силы, разлитой во всей видимой природѣ. Но какъ обстоитъ дѣло съ низшимъ и среднимъ классомъ? Гебгардтъ въ своей книгѣ „Къ крестьянскому вѣро-и-правоученію“ (Gebhardt. Zur bäuerlichen Glaubens—und Sittenlehre) ³⁾ высказываетъ мнѣніе, что „рѣшительныхъ отрицателей Бога въ крестьянской средѣ не такъ много. Нѣкоторыя обнаруженія, которыя повидимому стоятъ въ противорѣчій съ этимъ воззрѣніемъ, суть лишь неудачное выраженіе мнимаго недовольства Богомъ. Не слѣдуетъ также придавать большого значенія, если кто-либо обвиняетъ другого, что онъ не вѣритъ въ Бога. Да если гдѣ и есть среди крестьянъ рѣшительные отрицатели Бога, то они тотчасъ вѣ-

1) Г. Шёлеръ. Критика научнаго познания. Лейпцигъ. 1898.

2) Г. Шпиккеръ. Цит. соч. стр. 205—247.

3) Гебгардтъ. „Къ крестьянскому вѣро-и-правоученію“. Стр. 45.

мѣютъ, если Богъ скажется въ другъ за другомъ слѣдующихъ несчастіяхъ, какъ сильныя грозы, неурожай, повальные болѣзни, войны“ и. т. п. Въ другомъ мѣстѣ своей книги Гебгардтъ говоритъ по этому поводу 1): „отъ вражды къ религiи и отъ безрелигiозности крестьянъ охраняетъ уже одно естественное откровеніе, которое имъ гораздо ближе и понятнѣе, чѣмъ городскимъ жителямъ. Эту зависимость отъ высшей силы напоминаетъ имъ весьма ясно и ощутительно ихъ призваніе бороться съ неисчислимыми и неизбежными перемѣнами случаевъ. Этому способствуетъ и то, что въ деревнѣ болѣе ощутительно истинное значеніе жизни, сопряженной съ трудомъ и работой, съ болѣзнями и недостатками, съ быстрымъ теченіемъ ихъ или-же съ мучительной скорбью, что искусственно, чрезъ приспособленія и учрежденія, скрыто отъ взоровъ городского жителя, и потому крестьянинъ съ самаго ранняго возраста испытываетъ важность жизни, безсиліе человѣка предъ судьбой, что принудительно заставляетъ его искать высшей помощи и утѣшенія въ бѣдахъ и нуждахъ“.

Конечно, Гебгардтъ отчасти правъ въ своихъ выводахъ: въ деревняхъ не такъ ощутителенъ этотъ недугъ современнаго протестантскаго общества, чѣмъ какъ въ городахъ и рабочихъ округахъ. Здѣсь еще, если уже кто и потерялъ вѣру, все-же стыдится признаться въ этомъ и скажетъ, что во единого Бога, въ Высшее Существо нужно вѣрить. Но, къ сожалѣнію, Гебгардтъ еще болѣе правъ, когда замѣчаетъ, что и въ деревнѣ весьма замѣтны признаки сильнаго и быстрого возрастанія отрицателей Бога. Уже и здѣсь сплошь и рядомъ слышится: „есть лишь одна природа; все является и уничтожается само собою—и нѣтъ никакой вышеестественной, невидимой духовной силы“. Къ этому онъ прибавляетъ: „кто знаетъ несамостоятельность крестьянъ, тотъ легко пойметъ, какъ сильно этимъ путемъ потрясена вся религiозная жизнь весьма и весьма многихъ общинъ и всего народа“ 2). И если уже въ деревняхъ среди крестьянъ много атеистовъ, то число ихъ среди низшихъ классовъ въ городахъ прямо поразительно. И въ этомъ нельзя винить лишь

---

1) Тамъ-же. Стр. 9 и дал.

2) Тамъ-же. Стр. 45.

одну социаль-демократію, выступающую съ своимъ положеніемъ среди колеблющихся въ вѣрѣ въ Бога: „есть-ли Богъ—еще не доказано? Основная вина заключается въ самомъ протестантизмѣ: онъ порвалъ съ христіанской традиціей, разорвалъ всякую связь между прошлымъ христіанства и настоящимъ, выставилъ ученіе о святости и священствѣ всѣхъ безъ всякаго посредства благодатныхъ дѣйствій, и этимъ въ корнѣ убилъ христіанское чувство своихъ послѣдователей и толкнулъ ихъ на путь какого-то полухристіанства. Слѣдствіемъ этого и явилось то, что массы, предоставленныя самимъ себѣ, не въ состояніи были сохранить истинно-христіанское понятіе о Богѣ и бросились за ученіями, которыя отрицаютъ всякаго Бога и льстятъ своимъ послѣдователямъ полной разнузданностью и въ нравственной и въ общественной жизни, не контролируемой ни своей совѣстью, ни страхомъ предъ Высшимъ Существомъ. Что же удивительнаго, поэтому, если въ отвѣтахъ, присланныхъ Радѣ мы не находимъ ни одного положительнаго, но лишь отрицательные: „Богъ — не возможенъ, не мыслимъ, бессмыслица; природа—вотъ мой Богъ“. „Бога и вселенной я не знаю,—я знаю лишь физическую силу сохраненія и дальнѣйшаго образованія организмовъ, какъ на землѣ, такъ и на солнцѣ, на планетахъ и звѣздахъ“. „Бога вообще нѣтъ; но такъ-какъ древніе народы не могли изъяснить явленія природы, то они и пришли къ вѣрѣ въ Высшее Существо“. „Богъ есть природа съ ея желѣзными законами и вѣчнымъ круговращеніемъ“.—И все-же, хотя мы и признали, что вина распространенія атеизма лежитъ въ самомъ протестантизмѣ, мы должны добавить, что хорошимъ помощникомъ атеизма являются, какъ социаль-демократія съ ея девизомъ: „если есть Богъ, то мы поражены“, такъ и новѣйшій натурализмъ, господствующій въ высшихъ классахъ и сильно уже проникшій и въ низшіе классы. Само собой понятво, что социаль-демократія роетъ для натурализма широкіе каналы среди народа и по нимъ натурализмъ несется въ народъ бурной волной. Натурализмъ приковываетъ взоръ къ видимому міру и отвлекаетъ этотъ взоръ отъ духовнаго, невидимаго міра, и естественно, что онъ заставляеть считать спорнымъ и несуществующимъ тотъ міръ, который нельзя видѣть и нельзя осязать. И что это такъ, прекрасно поясня-

еть въ своей книгѣ Максъ Лоренцъ 1): „Атеистъ—въ большинствѣ случаевъ—идолопоклонникъ науки и особенно естествознанія, почти безгранично убѣжденный въ творческой дѣятельности познанія. Онъ слышитъ: естествознаніе не нашло Бога, и заключаетъ: слѣдовательно, и нѣтъ никакого Бога“.—Нельзя не отмѣтить здѣсь коротко еще нѣкоторыхъ фактовъ, именно: 1) часто указывается на поводъ къ атеизму—видимая несправедливость, существующая на землѣ. Говорятъ: если бы былъ Богъ, то онъ не позволилъ-бы злу царить на землѣ. 2) Замѣчательно, что атеизмъ сильнѣе распространенъ среди обезпеченныхъ рабочихъ; среди-же необезпеченнаго, нуждающагося класса атеизмъ рѣдкое явленіе: здѣсь господствуетъ вѣра и упованіе на Бога. 3) Переходъ къ атеизму часто сопряженъ, какъ видно изъ отвѣтовъ Раде, съ тяжелой душевной борьбой. „Къ прискорбію,—говорится въ одномъ отвѣтѣ,—я не могу твердо вѣрить въ Бога; я сомнѣваюсь въ бытіи Высшаго Существа. Ахъ, какъ-бы я желалъ и стремился вѣрить: есть Богъ, Небесный Отецъ, къ Которому я могу взывать, какъ дитя. Какъ-бы было это отраднo для меня! Но я не могу, потому что не могу отогнать отъ себя сомнѣніе“. „Ахъ, и я желалъ бы вѣрить безъ всякаго сомнѣнія, безъ страха и безъ вопросовъ; но зачѣмъ столько зла въ мірѣ, если есть всеблагій Богъ?“ говорится въ другомъ отвѣтѣ къ Раде.

Отъ возрѣній современнаго протестантства о Богѣ перейдемъ къ возрѣніямъ относительно второго лица Божества—Исуса Христа. Прежде всего, спросимъ: какъ понималъ личность Исуса Христа основатель протестантства Лютеръ? Кто внимательно просмотритъ сочиненія реформатора, для того не останется сомнѣній, что важнѣйшія событія изъ жизни Исуса Христа,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и важнѣйшія для христіанства—воскресеніе и вознесеніе Лютеръ хотя и признавалъ, но понималъ ихъ духовно въ смыслѣ усвоенія вѣроу. и этимъ самымъ отнималъ у нихъ ихъ фактическую дѣятельность. Отсюда и самое значеніе Исуса Христа онъ ограничивалъ лишь Его помощью въ дѣлѣ спасенія, но вовсе не признавалъ за Нимъ Божескаго значенія и Царскаго служенія и власти: Христосъ есть лишь намъ братъ

---

1) Религія и социаль-демократія. Стр. 10.

въ имѣющемъ наступить царствѣ Божіемъ ¹⁾. И хотя мы видимъ, что въ дальнѣйшее время протестантская ортодоксія ввела въ ученіе протестантской церкви понятіе о Христѣ, какъ Богочеловѣкѣ, истинномъ Богѣ, Искупителѣ, пострадавшемъ за грѣхи всего міра и своею смертью и воскресеніемъ свободившемъ міръ отъ грѣха, проклятія и смерти,—но это ученіе осталось у ней лишь теоретическимъ ученіемъ, но не стало живой силой для протестантской общины. И это всего лучше подтверждается тѣмъ, что само протестантское духовенство прямо высказываетъ, что Христось, возвѣщаемый церковью и ортодоксіей, не тождественъ съ историческимъ Иисусомъ изъ Назарета. Церковь привноситъ въ свое ученіе нѣчто, что не можетъ быть согласимо ни съ Библией, ни съ богословіемъ, ни съ разумомъ. И это особенно подтверждается тремя пунктами церковнаго ученія, именно: ученіемъ о лицѣ Иисуса Христа, о рожденіи Его и значеніи Его крестной смерти ²⁾. Эти три пункта разсматриваются духовенствомъ именно въ томъ смыслѣ, какъ мы указали выше въ изслѣдованіи „Лютерово пониманіе о Божествѣ Христа“, т. е., что Иисусъ Христось былъ простой человѣкъ, что будто-бы свидѣлствуетъ самый евангельскій разсказъ о рожденіи Иисуса, что Его смерть—есть лишь примѣръ для насъ, что есть только одна жизнь, которая дѣлаетъ насъ счастливыми, эта жизнь для Бога, жизнь служенія Ему, преданность и вѣрность Богу. И такое убѣжденіе, по словамъ цитируемаго нами автора, да и по нашимъ собственнымъ наблюденіямъ, раздѣляютъ тысячи изъ протестантскаго духовенства ³⁾. Говорить о возрѣвнн высшихъ классовъ по этому вопросу не приходится. Достаточно, если мы приведемъ для характеристики взгляда этихъ классовъ лишь одно разсужденіе: „почему же Христось не умеръ вмѣстѣ за человѣка и за падшаго ангела? Если человѣкъ, по Псалмопѣвцу, „мало чѣмъ умаленъ предъ ангелами“, то слѣдовательно, ангелы стоятъ лишь немного выше людей. Стоило-ли труда ради меньшаго творенія снаряжать столь

¹⁾ См. подр. К. Кюгельгенъ. Лютерово пониманіе о Божествѣ Христа. Лейпцигъ. 1901.

²⁾ Церк., соц.-дем. стр. 53.

³⁾ Церк., соц.-дем. стр. 53—61.

великолѣпный искушительный аппаратъ, не привлекая къ спасительному процессу высшихъ существъ? Вѣдь они—ангелы сдѣлали не больше, лишь своеобразно, что и человекъ, и отпали отъ Бога. Первоначально и человекъ и ангелы вышли изъ рукъ Творца совершенными, хотя и не настолько, чтобы не могли согрѣшить. И если свобода была дана въ равной степени и земнымъ и небеснымъ твореніямъ, то понятно, что ангелы, какъ и люди, носили въ себѣ возможность согрѣшить, и злоупотребили свободой. Поэтому, и ангелы сдѣлали не большее, чѣмъ человекъ: почему же, при равномъ преступленіи, одни спасены, а другіе осуждены“¹⁾? Отсюда понятно, что воззрѣнія высшаго протестантскаго общества на лицо Иисуса Христа крайне сбивчивы, неустойчивы, не обоснованы ни христіанскимъ ученіемъ отцовъ церкви, ни твердой исторической наукой²⁾. Не лучше воззрѣнія на лицо Иисуса Христа и у низшихъ классовъ. Если Гебгардтъ, въ своей вышечитованной книгѣ, и не затронулъ этотъ вопросъ, то не потому, что онъ хотѣлъ выразить, что народъ думаетъ согласно съ ученіемъ протестантскаго катихизиса, но именно потому, что онъ нашелъ полное противорѣчіе воззрѣній народа съ протестантскимъ катихизисомъ, и что воззрѣнія народа въ этомъ членѣ вѣры протестантства еще дальше отступаютъ, чѣмъ въ первомъ членѣ. Въ данномъ вопросѣ у народа не только нѣтъ упованія на Христа, но даже нѣтъ и простой вѣры въ то, что учить о Немъ протестантская церковь. И если атеизмъ широко захватилъ среду народа, то отрицаніе Божества Христа еще больше распространено у народа. И въ данномъ случаѣ напрасно сваливать всю вину на социаль-демократію: здѣсь сказались весьма разнообразныя вліянія болѣе вредныя, чѣмъ сочиненія социаль-демократіи. Кажется, мы не погрѣшимъ, если скажемъ, что главная вина этого лежитъ на представителяхъ этическаго движенія. Книга Эгиди „Здра-

¹⁾ Г. Н. Шпиккеръ. Цит. соч. стр. 274—275.

²⁾ См. матер. по этому вопросу: *Е. Зульце*. Какъ покончить борьбу о значеніи лица и дѣла Иисуса? *Л. Класенъ*. Что вы думаете о Христѣ? Чей Онъ сынъ? *М. Реймле*. Вѣра въ Иисуса Христа и историческое изслѣдованіе Его жизни. *С. Еккъ*. О значеніи воскресенія Христа для первообщины и для насъ. *Ф. Лоофсъ*. Сказанія о воскресеніи и ихъ цѣнность. Изд. I. Моръ (В. Зобинъ) Лейпцигъ. 1898—1901.

вья мысли“ и Ломмеля „Иисусъ изъ Назарета“, вышедшія уже двадцатымъ изданіемъ, имѣли гораздо большее вліяніе на народъ, чѣмъ социаль-демократическая литература, старающаяся сдѣлать народу личность Иисуса или подозрительной и малозначущей, или же подорвать историческій фактъ бытія Христа, или же показать, что дѣйствительное значеніе Христа сильно преувеличено. Да и эти ученія вождей социаль-демократіи не принесли ей никакой пользы, такъ какъ онѣ прямо противорѣчили здравому смыслу. Личность Христа въ евангельской исторіи выступаетъ столь жизненно-правдивой, что сами социаль-демократы не могутъ противиться ей и заявляютъ не только свои симпатіи, но и признаютъ, что христіанство—безъ Христа—есть просто абсурдъ. Сами социаль-демократы признаютъ, что Христосъ—идеальная личность, защитникъ бѣдныхъ и угнетенныхъ, обличитель вышнихъ и фарисеевъ, благодѣтель народа, вообще, по мужеству и своему величію и пониманію истины личность, которой нельзя найти даже подобія среди ея современниковъ. Поэтому, социаль-демократы первые осмѣяли одного изъ своихъ представителей — Каутскаго, когда онъ вздумалъ публично сравнить Иисуса и даже поставить ниже Аполлонія Тианскаго. Приведемъ все-же для примѣра нѣсколько отвѣтовъ полученныхъ изъ среды народа пасторомъ Раде на вопросъ: „что думаете вы о Христѣ?“ „Христосъ былъ человѣкъ, боровшійся за угнетенный народъ и говорившій владѣтелямъ правду, за что Его послѣдніе и предали казни“. „Реформаторъ своего времени, лишь съ иными идеями“. „Истинный другъ народа—не на словахъ, какъ его нынѣшніе поклонники, а на дѣлѣ. За это онъ былъ ненавидимъ, преслѣдуемъ и распятъ“. Особенно интересенъ слѣдующій отвѣтъ: „Иисусъ былъ и остается великимъ мужемъ народа, защитникомъ, учителемъ и благодѣтелемъ всѣхъ бѣдныхъ и угнетенныхъ всякаго рода. Это—истинный духовный, заботящійся не о томъ только, чтобы духовно возвысить и просвѣтить народъ, но и о матеріальномъ благополучіи своихъ братій, какъ это открывается изъ многихъ мѣстъ Библии. Его ученіе были чисто, истинно; Его жизнь была въ полномъ согласіи съ ученіемъ, такъ-что не одно Его ученіе обезпечиваетъ Ему память на тысячелѣтія. Въ нынѣшнее время Иисусъ, Котораго приводятъ на всякій слу-

чай, но лишь на словахъ, если-бы сталъ также защищать своихъ собратій, какъ Онъ дѣлалъ въ свое время, былъ-бы весьма скоро закованъ въ цѣпи, посаженъ въ тюрьму въ Плетцензее, такъ-какъ Онъ не получилъ-бы и десятой доли той свободы, какая была у него прежде. Баронъ Штуммъ безвозмездно приготовилъ-бы гвозди для креста.—Вообще. Иисусъ былъ такой-же человѣкъ, какъ и мы, но одинъ изъ лучшихъ и великихъ людей, какіе только когда-либо были, и я вѣрю, Онъ не желалъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ какъ человѣкомъ.—Иного достоинства въ Иисусѣ Христѣ, кромѣ какъ лучшаго и великаго человѣка, низшіе классы протестантскаго общества совершенно не сознаютъ и не усматриваютъ. Что Иисусъ есть Сынъ Божій, возвѣстившій всѣмъ покаяться, такъ какъ приблизилось царствіе Божіе, и понесшій на себѣ всѣ грѣхи міра, — совершенно чуждый взглядъ для низшихъ классовъ протестантизма. Эти классы вовсе не испытываютъ нужды въ прощеніи грѣховъ: они желаютъ быть свободны не отъ грѣха, а отъ внѣшней нужды, бѣдности и гнета социальныхъ условій; не вздыхаютъ о блаженствѣ на небѣ, говорятъ, что „небо они предоставляютъ ангеламъ и глупцамъ“, но мечтаютъ достигнуть небснаго блаженства здѣсь на землѣ, когда все будетъ на ней прекрасно и рационально устроено. И. Дитценъ совершенно вѣрно замѣчаетъ въ своей книгѣ ¹⁾, что для низшихъ классовъ мѣсто Иисуса заступаетъ или социаль-демократія, или-же организація труда, на каковыхъ и возлагается все упованіе. Лишь ихъ обѣщаніямъ вѣритъ народъ, руководясь опытомъ и разумомъ, а не обѣщаніямъ Христа и Его царства для вѣрныхъ. И, конечно, главная основа такого невѣрія заключается не въ сомнѣніяхъ, колеблющихся разумность вѣры во Христа, но въ сердцѣ народа—этомъ источникѣ невѣрія. Какъ фарисеи не вѣрили во Христа, потомучто они вздыхали не о прощеніи грѣховъ, а о внѣшнемъ блескѣ власти, о земномъ великолѣпіи, чего Христосъ не принесъ имъ, такъ и низшіе классы протестантизма помышляютъ не о Христѣ, принесемъ людямъ дары духовныя, а о земномъ благоденствіи и счастіи, которое кажется имъ болѣе цѣннымъ и дорогимъ, чѣмъ духовныя дары для души человѣка“.

---

¹⁾ Религія социаль-демократіи, стр. 6.

И можно съ увѣренностью сказать, что эти идолы низшаго класса лишь тогда потерпят крушеніе, когда низшій классъ вновь почувствуетъ недовольство, недостаточность внѣшнихъ благъ для удовлетворенія духовныхъ потребностей человѣка; а, чтобы это случилось скоро, ожидать трудно или даже вовсе нельзя уже въ силу того ученія о самооправданіи, какое господствовало и господствуетъ у протестантовъ. А какъ широко распространилось это ученіе среди народа, какъ вошло въ плоть и кровь народа, можно видѣть изъ нашего дальнѣйшаго изложенія. Каждый человѣкъ, по своей природѣ, нѣсколько фарисей: у него еще явится сознаніе грѣховности, если его осѣнитъ благодать Св. Духа; но какъ ожидать такого осѣненія для человѣка, у котораго отсутствуетъ даже вѣра въ Бога? У такого человѣка, чѣмъ сильнѣе господствуетъ возрѣніе на самооправданіе, тѣмъ незначительнѣе становится сознаніе собственной грѣховности и ему тѣмъ труднѣе увѣровать въ Иисуса и придти къ Нему, какъ къ Единому освободителю отъ грѣха. И никто не въ состояніи отрицать, что настоящее время въ этомъ отношеніи, т. е. въ сознаніи своей грѣховности, далеко отстало отъ прошлыхъ столѣтій и представляетъ собою крайне печальную картину въ протестантствѣ. Вина такого состоянія протестантизма, прежде всего, должна быть приписана раціонализму, вліяніе котораго сказалось особенно губительно съ этой стороны. По раціонализму—Богъ—благодушный, снисходительнѣйшій отецъ, который сквозь пальцы смотритъ на то, что творять Его дѣти на землѣ, который высказываетъ свои угрозы не серьезно и, въ концѣ концовъ, все-же всѣхъ приметъ на небо. Если ужъ кто и будетъ исключенъ изъ небесныхъ обитателей, такъ это тотъ, кто уже слишкомъ безобразно жилъ на землѣ, такъ-что его пребываніе на небѣ можетъ причинить другимъ ужъ слишкомъ явную непріятность и неудобство. Ученіе о вѣчномъ осужденіи и дьяволѣ—для раціонализма суть лишь остатки средневѣковыхъ фантастическихъ мечтаній, такъ какъ онѣ не соотвѣтствуютъ благодушной любви Бога, чтобы посадить человѣка на вѣки въ адъ ¹⁾.

Эти возрѣнія, безусловно противорѣчащія Библіи и осо-

¹⁾ Г. Шпикеръ. Цит. соч. стр. 278—282.

бенно Новому Завѣту, весьма распространены не только среди высшихъ классовъ протестантскаго міра, но еще болѣе среди низшихъ, такъ-что почти каждый протестантъ, въ извѣстной мѣрѣ, раздѣляетъ эти воззрѣнія. Еще можно скорѣе встрѣтить у протестанта страхъ временнаго наказанія со стороны Бога здѣсь на землѣ, но страхъ вѣчнаго, адскаго наказанія—совершенно испарился изъ сознанія протестантовъ, такъ-что даже и вѣрующій въ Евангеліе и Церковь протестантъ—совершенно отрицаетъ это ученіе объ осужденіи, какъ не имѣющее никакого основанія и значенія. И еще не было примѣра, чтобы кто-либо изъ протестантовъ удержался отъ грѣха изъ страха ада: смерть и блаженство для протестанта совершенно равнозначущія понятія. Слова писанія: „Входите тѣсными вратами: потому что широки врата и пространенъ путь, ведущіе въ погибель, и многіе идутъ ими. Потому что тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и не многіе находятъ ихъ“ ¹⁾, или: „со страхомъ и трепетомъ совершайте свое спасеніе“ ²⁾, если и заучивались наизусть въ школѣ, то все-же, во внутреннемъ ихъ значеніи, остались совершенно чужды и непонятны протестантскому народу: никто не вѣритъ, что они сказаны въ столь серьезномъ значеніи. Отсюда, само собою понятно, что такія воззрѣнія проистекаютъ изъ полнаго отсутствія сознанія грѣховности. И если уже въ протестантствѣ прежде раздавались постоянныя жалобы, что у протестантовъ слишкомъ сильно развито ученіе о самооправданіи и слишкомъ принижено сознаніе грѣховности, то въ настоящее время эти жалобы имѣютъ свое полное основаніе, такъ-какъ почти всѣ члены протестантства прямо считаютъ, что безпорочность по отношенію къ гражданскимъ законамъ — вполне достаточна и для удовлетворенія Бога. Кто не наказанъ начальствомъ, пользуется добрымъ мнѣніемъ у людей, тотъ будетъ признанъ таковымъ и предъ судомъ Бога. Кто не воръ, не обманщикъ, не убійца, тотъ прямо считаетъ себя праведникомъ. Если вы спросите: почему протестантъ питаетъ столь твердую надежду на блаженство, вы получите въ отвѣтъ указаніе на его дѣла, что онъ не сдѣлалъ ника-

---

1) Мѡ. VII, 13—14.

2) Филип. II, 12.

кой несправедливости, а иногда, хотя и крайне рѣдко, что онъ весьма усердно посѣщаль церковь. Даже у такихъ лицъ, которые наружно не разорвали связь со Христомъ—Искупителемъ грѣха, можно ясно видѣть, что ихъ сознаніе своей грѣховности—есть лишь заученная въ школѣ истина, а не живое чувство вѣры и истекающаго изъ нея сокрушенія о грѣхахъ. Равнымъ образомъ, если вы слышите фразы: „всѣ мы грѣшники“, „всѣ мы разнообразно и многократно грѣшимъ“, и заключите о живости сознанія грѣховности у такихъ лицъ, то вы впадете въ грубую ошибку: подобныя лица этими словами лишь извиняютъ, освобождаютъ себя отъ грѣха. Они (лица) руководятся тутъ лишь простой мыслью: „если всѣ люди грѣшны, то и мы не исключеніе. Для чего же сокрушаться, если я впалъ въ грѣхъ“? Вообще, протестантъ даже тѣ свои грѣхи, которые онъ не можетъ отрицать, старается выставить незначительными. Прямо становится смѣшно; съ какимъ искусствомъ умѣетъ протестантъ изобрѣсти смягчающія обстоятельства для своихъ грѣховъ: здѣсь вина грѣха заключается то въ обстоятельствахъ, то въ другихъ людяхъ, вынудившихъ его впасть въ грѣхъ. И такая рѣчь самооправданія льется до тѣхъ поръ, пока самъ говорящій не убѣдится вполне, что его грѣхи не стоятъ даже и рѣчи, что они (грѣхи) совершенно покрываются его добрыми дѣлами, которыя онъ совершилъ, а потому и бояться Божескаго наказанія нечего. Мнѣ въ особенности припоминается разговоръ съ старикомъ протестантомъ, какъ лучшая характеристика всего вышесказаннаго о самооправданіи. Послѣ продолжительнаго разговора съ нимъ, онъ согласился, что онъ впалъ въ нѣкоторые грѣхи, но тотчасъ-же и прибавилъ: „да, и я, конечно, имѣю грѣхи, но лишь грѣхи хорошаго рода“. Понятно, что каждый приписываетъ эти грѣхи „хорошаго рода“ лишь себѣ, а грѣхи другихъ судить хуже, чѣмъ фарисей, который все-же и молился, и постился, и десятину отъ всего, что пріобрѣталъ, давалъ бѣднымъ, чего ожидать отъ протестанта все равно, что ожидать отъ изсохшаго дерева плода. Въ силу этого, протестанты вовсе не признаютъ ученія объ искупленіи: это ученіе совершенно чуждо ихъ душѣ, сколько-бы ни проповѣдывали о немъ пасторы. Да и самая вѣра у протестанта не есть живая увѣренность, а лишь простое признаніе. При

такомъ понятіи о грѣхѣ, у протестанта нѣтъ никакой внутренней потребности въ упованіи на Спасителя, а есть лишь простое признаніе, что онъ не сдѣлалъ столько зла, чтобы быть осужденнымъ, и этого для него совершенно достаточно, чтобы быть покойнымъ и считать себя праведнымъ.

И если мы высказали, что первая вина въ ученіи о такомъ пониманіи грѣха лежитъ въ рационализмѣ, то не меньшая вина для настоящаго времени въ пониманіи грѣха заключается и въ натурализмѣ. Натуралистическое міровоззрѣніе погасило въ протестантскомъ народѣ и остававшееся формальное признаніе грѣха, такъ-что въ настоящее время у протестантовъ нѣтъ и слѣда сознанія своей грѣховности. Натуралистическое міровоззрѣніе не признаетъ никакого Бога, никакого послѣдняго суда, никакого грѣха, руководится однимъ эгонизмомъ и стремится лишь извлечь возможно больше благъ для внѣшней жизни. Нравственности—въ натуралистическомъ міровоззрѣніи не существуетъ, и въ данномъ отношеніи нѣтъ ни одного міровоззрѣнія, которое было-бы удобнѣе для естественнаго человѣка: это міровоззрѣніе прекрасно усыпляетъ всякую совѣсть у его послѣдователей. И, не смотря на то, что это міровоззрѣніе полно противорѣчій, ошибокъ, часто даже полнаго неразумія, оно какъ нельзя лучше привилось къ воззрѣніямъ протестантизма и въ особенности къ воззрѣніямъ о грѣховности. Нѣтъ Бога, нѣтъ суда, нѣтъ грѣха, а лишь одна природа, для которой безразлично всякое худое или доброе дѣйствіе, къ чему-же и совѣсть? Вонъ ее изъ нашего общества, нѣтъ намъ до нея дѣла: намъ нужны деньги, наслажденія земными благами, а все прочее для насъ небылица. И надъ протестантскимъ міромъ вполне сбылись слова Спасителя: „Всякое растеніе, которое не Отецъ мой небесный насадилъ, искоренится“¹⁾.

Не возлагая главной вины на социаль-демократію въ этомъ отсутствіи сознанія грѣховности въ протестантскомъ обществѣ, мы все-же не можемъ отрицать, что тотъ способъ агитаціи, какимъ пользуется социаль-демократія, оказалъ въ данномъ отношеніи не незначительное вліяніе. Вся агитація социаль-демократіи направлена къ тому, чтобы льстить низ-

---

¹⁾ Мѡ. XV. 13.

шимъ классамъ и отнюдь не касаться ихъ недостатковъ и грѣховъ, не требовать исправленія этихъ недостатковъ и не призывать къ борьбѣ съ грѣхомъ. Недостатки, пороки, даже преступления низшихъ классахъ социаль-демократія старается свалить на обстоятельства, но никогда не говоритъ рабочимъ, что эти обстоятельства тогда улучшатся, когда сами низшіе классы станутъ лучше, напротивъ, она старается приводить этимъ классамъ обратное: измѣнится социальное положеніе къ лучшему, — измѣнятся и люди къ лучшему, что всякая нравственность есть лишь продуктъ внѣшнихъ условій. И это ученіе социаль-демократіи, пропагандируя идеи натурализма, оказало, конечно, огромное вліяніе на низшіе классы въ смыслѣ затемнѣнія у нихъ сознанія грѣховности и полной нравственной разнузданности. И удивительное дѣло, какъ непослѣдовательны и слѣпы въ данномъ случаѣ и социаль-демократы и низшіе классы: вѣдь, согласно ученію социаль-демократіи, вполне слѣдуетъ признать, что и владѣющіе классы не отвѣтственны за свои грѣхи, что причина этихъ грѣховъ лежитъ также въ обстоятельствахъ; но социаль-демократическія писанія и рѣчи, въ дѣйствительности, не находятъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы бичевать пороки высшихъ классовъ. Это ужъ, такъ сказать, самого себя высѣчь, на основаніи своего-же ученія, и не замѣтить этого самосѣченія: большаго заблужденія и спутанности трудно ожидать отъ какого угодно міровоззрѣнія. А ожидать отъ социаль-демократіи, какъ думаютъ нѣкоторые пасторы, зарожденія въ ней самой сознанія грѣховности и въ силу этого обращенія къ христіанству, значить ожидать у моря погоды съ тѣмъ лишь различіемъ, что благоприятная погода все-же когда-нибудь придетъ, а сознаніе грѣховности никогда не найдетъ мѣста въ этой партіи. И Гёре ¹⁾ совершенно правъ, когда замѣчаетъ, что „онъ совершенно не нашелъ сознанія грѣха и грѣховности у рабочихъ, вступившихъ въ ряды этой партіи“, а мы прибавимъ, что напрасно и искать того, чего дѣйствительно нѣтъ въ сознаніи этой партіи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Писаревскій.

¹⁾ Цит. соч. стр. 172.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОТЕСТАНТСКАГО ЗАПАДА.

Если таково отношеніе протестантскаго запада къ понятію о грѣхѣхъ, то само собою ясно, что и воззрѣнія протестантовъ на будущую жизнь и безсмертіе души человѣка не могли избѣжать современнаго, почти общаго настроенія, что эти воззрѣнія суть фикція, прелестная фантазія въ церковномъ вѣроученіи протестантства. Еще Гебгардтъ ¹⁾ указалъ, что, при посѣщеніи больныхъ, онъ не нашелъ ни малѣйшаго указанія на чаяніе иной жизни, не нашелъ даже капли христіанскаго сознанія и пониманія о безсмертіи въ смыслѣ церковнаго протестанскаго ученія. И это указаніе Гебгардта вполне подтверждаетъ вся современная жизнь протестантства: въ ней мы не найдемъ и слѣда того христіанскаго упованія, съ какимъ Апостоль желалъ-бы „разрѣшиться и быть со Христомъ ²⁾ не найдемъ слѣда и о страхѣ предстать предъ судомъ Божиимъ: и это христіанское упованіе, и этотъ страхъ давно и у всѣхъ протестантовъ совершенно исчезли. Слова Апостола: „Людямъ положено однажды умереть, а потомъ судъ“ ³⁾ никого уже не устрашаютъ: страшатся болѣе предсмертныхъ, физическихъ страданій, а не суда Божія. Поэтому внезапная смерть, безъ всякаго вниманія на христіанскую готовность къ смерти и раскаянія во грѣхахъ, у всѣхъ считается прекрасной и завидной смертью. Въ настоящее время, если-бы кто сталъ проповѣдывать публично предъ высшими и низшими классами истину безсмертія, будетъ или просто осмѣянъ, или-же сочтенъ за

¹⁾ Цит. соч. Стр. 338 и дал.

²⁾ Филип. I. 23.

³⁾ Евр. IX. 21.

глупца или ненормальнаго субъекта. Отвѣты, полученные пасторомъ Раде, совершенно ясно свидѣтельствуютъ объ этомъ. „Быстрая смерть—самая лучшая смерть; въ жизнь послѣ смерти—вѣрять лишь очень и очень немногіе, вѣрнѣе, почти никто“. „Человѣкъ—земля и возвращается въ землю, изъ которой постоянно развиваются новыя живыя существа“. „Жизни послѣ смерти нѣтъ. Да и въ какомъ видѣ можетъ она продолжаться? Гдѣ она должна существовать? Духовная дѣятельность умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ“. „Жизни послѣ смерти нѣтъ, еслибъ что-либо такое было, то это прямо ужасно“. „Смерть ужасна сама по себѣ, и это ужасное, конечно, потеряло-бы свой ужасъ, если-бы можно было твердо вѣрить въ дальнѣйшую духовную жизнь послѣ смерти. Но какъ я не вѣрю въ Бога, такъ же не вѣрю и въ жизнь послѣ смерти. Умеръ—и этимъ все кончено; хотя это очень-очень неутѣшительно“.—Изъ этихъ отвѣтовъ мы ясно видимъ, что, отчасти, вліяніе натурализма убило всякое пониманіе того, что нельзя доказать экспериментальной очевидностью, а, отчасти, такъ же и социаль—демократическія рѣчи и сочиненія о достижимости рая на землѣ совершенно заглушили духовныя стремленія протестантскаго міра ¹⁾. Да и вообще нужно сказать, что суевѣрія играютъ огромную роль у всѣхъ классовъ протестантства. Въ этомъ убѣждаютъ насъ то и дѣло всплывающіе процессы, въ которыхъ часто замѣшаны даже знатнѣйшіе и образованнѣйшіе изъ протестантскаго общества. Нашимъ публицистамъ, съ ихъ неистовыми обвиненіями въ суевѣріи русскаго общества, не мѣшало-бы не закрывать свои глаза предъ ихъ излюбленнымъ идоломъ—Западомъ. Благодаря Бога, въ Россіи еще не оказалось легковѣрныхъ, чтобы они послѣдовали за новымъ христомъ, а на Западѣ не обошлось и безъ этого. Въ 1899-мъ году въ Голландіи появился христосъ, за которымъ послѣдовала масса лицъ изъ всѣхъ слоевъ общества, и только варварское убійство этимъ христомъ не вѣрующаго въ него, положило конецъ его дѣятельности и новый христосъ попалъ на судъ, хотя и не къ Пилату.

¹⁾ Нѣкоторые отголоски вѣры въ безсмертіе у протестантовъ можно находить лишь въ проявленіи массы суевѣрныхъ представленій и разсказовъ о привидѣніяхъ, вѣдьмахъ и мертвецахъ. См. В. И. Штудемундъ. Цит. соч. Стр. 55—57.

Мы уже упоминали, что Раде въ разосланныхъ имъ вопросахъ не помѣстилъ вопроса о молитвѣ. И намъ думается, что онъ это сдѣлалъ въ той мысли, что спрашивать объ этомъ бесполезно, такъ какъ молитва давно вышла изъ употребленія у протестантовъ. Если прежде протестантскій глава семейства ежедневно собиралъ свою семью утромъ и вечеромъ для молитвы, то въ настоящее время это стало лишь исключеніемъ среди единичныхъ фамилій. Да и на эту молитву нельзя смотрѣть какъ на молитву въ собственномъ смыслѣ слова: здѣсь есть лишь заученное повтореніе утренней и вечерней молитвы безъ всякаго участія сердца, т. е. простое соблюденіе формы въ силу привычки. Насколько молитва утратила свой смыслъ и значеніе у протестантовъ, можно судить уже потому, что если вы спросите кого-либо изъ низшихъ, да даже и изъ среднихъ классовъ, что они думаютъ, когда говорятъ: „да святится имя Твое, да придетъ царствіе Твое“, то вы не получите на этотъ вопросъ никакого отвѣта. А если вы спросите: о чемъ-же вы молитесь? то получите отвѣтъ: о земныхъ благахъ, о здоровьѣ, объ облегченіи страданій и избавленіи отъ нужды; но ни слова не услышите о терпѣливомъ несеніи своего креста, о смиренномъ преклоненіи себя предъ волей Божіей, о помощи въ борьбѣ съ искушеніями, о молитвѣ за общество, за всѣхъ христіанъ, за родныхъ и дѣтей. Что частная молитва среди семьи, или въ одиночествѣ, превратилась у протестантовъ лишь въ мертвую форму прекрасно подтверждаетъ свидѣтельство Гёре ¹⁾. Гёре рассказываетъ, что двое фабричныхъ рабочихъ сказали ему, что они ежедневно читаютъ „Отче нашъ“, такъ-какъ безъ этого они не могутъ заснуть, хотя они прекрасно сознаютъ и убѣждены, что молитва совершенно бесполезна и не приноситъ никакой помощи. Итакъ, въ данномъ случаѣ молитва протестантовъ есть не болѣе какъ „hoggor vacui“, страхъ извѣстной пустоты въ обыденномъ обиходѣ жизни. Въ другомъ мѣстѣ своей книги ²⁾ Гёре свидѣтельствуетъ, что ему прямо заявили, что мода на молитву прошла, что молитва устарѣлое явленіе и къ нынѣшнему времени совершенно не подходитъ. И, дѣй-

¹⁾ Цит. соч. Стр. 173 и 186.

²⁾ Стр. 183.

ствительно, чѣмъ больше распространяется, подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ причинъ, вражда къ христіанству, чѣмъ больше она захватываетъ женщинъ, тѣмъ менѣе можно замѣчать въ протестантствѣ прекрасный обычай дѣтской молитвы предъ отходомъ ко сну подъ руководствомъ матери. Этотъ прекрасный обычай въ протестантствѣ также отходить въ вѣчность, что-бы не сказать отошелъ уже въ вѣчность.

Съ потерей истиннаго значенія и пониманія молитвы, протестанты утратили и пониманіе значенія тѣхъ таинствъ, какія остались у нихъ, т. е. крещенія и причащенія. Причиной, послужившей довольно ощутительно на сокращеніе церковнаго крещенія, было введеніе гражданскаго законодательства о бракахъ и рожденіяхъ, по которому дѣти считались законными безъ церковнаго вѣнчанія, и родители, по своей волѣ могли крестить своихъ дѣтей или не крестить. Начиная съ 1876-го года число церковныхъ крещеній постепенно, какъ показываетъ статистика, сокращается. Этотъ законъ всего лучше пришелъ на помощь раціонализму и социаль-демократіи и сталъ какъ-бы оправданіемъ для этихъ міровоззрѣній. Крещенія, прежде совершавшіяся на второй или третій день, стали постепенно откладываться на неопредѣленное время; потомъ, появилась іезуитская отговорка: какъ крестить ребенка, когда не знаемъ какая религія придется ему самому по вкусу, какъ это видно изъ отвѣтовъ Раде: „неразумно возлагать обязательство на ребенка, когда никто не можетъ даже и думать объ его позднѣйшихъ воззрѣніяхъ“. Должность воспріемниковъ потеряла свое прежнее значеніе—воспитать ребенка въ христіанствѣ, превратилась въ простую формальность, а самое крещеніе стало для большинства лишь простой церемоніей, такъ-какъ почти никто не признаетъ за крещеніемъ—второго—духовнаго рожденія, освобожденія отъ грѣха и власти діавола. И если крещеніе еще не такъ быстро сокращается въ протестантизмѣ, то это нужно приписать тому, что лица не крещенія не могутъ занимать никакого мѣста ни въ государственной, ни въ общественной службѣ. Отвѣты, присланные Раде, какъ нельзя лучше подтверждаютъ это: „что дѣлать? нужно крестить, чтобы не повредить дѣтямъ въ будущемъ“. Не мало вины и на сторонѣ самой протестантской

церкви, особенно въ большихъ городахъ. Кто присутствовалъ при тѣхъ массовыхъ крещеніяхъ, которыя совершаются въ большихъ городахъ, тотъ сильно разочаруется въ достоинствѣ крещенія и не получитъ иного впечатлѣнія, кромѣ нравственной тошноты, чего не отрицаютъ и сами пасторы. У низшихъ классовъ крещеніе часто не совершается прямо изъ за денегъ: тамъ, гдѣ приходится бояться за каждую полкопѣйку, пятирублевый расходъ на церковное крещеніе является непосильной тяжестью, а для дарового крещенія—въ особо назначенные немногіе дни—нѣтъ времени. Такъ ребенокъ и остается, а часто и умираетъ некрещеннымъ. Это особенно нужно поставить въ упрекъ протестантскому духовенству: оно обезпечено жалованьемъ и все-же, по присущей нѣмецкой націи скарденности, не хочетъ отказаться отъ этого дохода.

Еще хуже обстоитъ дѣло въ протестантской церкви съ причащеніемъ. Если, какъ мы указали, крещеніе еще совершается часто изъ практическихъ видовъ, то причащеніе утратило даже и эту сторону дѣла. Въ высшемъ обществѣ, въ большихъ городахъ, въ рабочихъ округахъ, да даже и среди простого народа число лицъ ежегодно приступающихъ къ причащенію крайне незначительно. И это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что протестанты совершенно утратили пониманіе этого таинства и совершенно не признаютъ за нимъ никакого дѣйствія, при которомъ причащающійся получаетъ залогъ вѣчной жизни чрезъ единеніе со Христомъ. Даже больные и тѣ совершенно не прибѣгаютъ къ этому таинству. Объяснить это суевѣріемъ, что, послѣ причащенія человекъ непременно умретъ, не возможно, но за то возможно,—по тѣмъ издѣвательствамъ и насмѣшкамъ, которыя допускаются надъ этимъ таинствомъ,—безошибочно утверждать, что это таинство въ протестантской церкви находится въ полномъ періодѣ вымиранія.

Обращаясь къ церковнымъ обрядамъ протестантизма, мы должны на первомъ мѣстѣ поставить обрядъ конфирмаціи дѣтей, по достиженіи ими 14 лѣтъ. Если здѣсь картина и не будетъ такъ темна, какъ при причащеніи, если здѣсь еще протестантская церковь является силой, оказывающей сильное вліяніе на своихъ питомцевъ, заставляющей произносить ихъ торжественную клятву вѣрности протестантизму, то

это все-же не признакъ внутренней, идейной крѣпости протестантизма, а лишь признакъ обнаруженія дисциплинарнаго воздѣйствія церкви на общество и признакъ ловкаго способа поживиться на счетъ этого дѣйствія. Не будетъ удостоенъ ребенокъ конфирмаціи, не можетъ онъ и быть полноправнымъ членомъ общества: и вотъ волей неволей ему приходится зубрить всѣ пункты протестантизма, чтобы не быть постражденнымъ на конфирмаціи. Но ребенокъ, не смотря на всѣ усилія, не можетъ зазубрить все: что тогда дѣлать? Слѣдовать примѣру высшихъ и богатыхъ классовъ, т. е. приглашать пастора для частныхъ занятій по религіи на дому. Тогда дѣло конфирмаціи сойдетъ какъ по маслу. Картинка вполне напоминающая нашу практику съ древними языками въ гимназіяхъ. А какъ мало значитъ теперь эта конфирмація въ глазахъ народа, видно изъ того, что никто въ жизни не исполняетъ правилъ, внушаемыхъ при конфирмаціи, что особенно ясно будетъ нами показано далѣе въ отдѣлѣ о нравственномъ состояніи и нравственныхъ воззрѣніяхъ протестантизма. Поэтому, какъ видно изъ отвѣтовъ Раде, конфирмація подвергается особннымъ нападкамъ со стороны всѣхъ слоевъ общества и въ особенности за клятву вѣрности протестантизму. „Конфирмацію, поскольку она выходитъ за придѣлы школьнаго обученія религіи и требуетъ клятвы вѣрности протестантизму, котораго дѣти еще вполне и не могутъ оцѣнить, мы считаемъ дѣломъ искусственнымъ“, гласятъ многочисленные отвѣты Раде. „Принудительное требованіе конфирмировать дѣтей и заставлять ихъ произносить не понимаемую ими клятву—дѣло безчестное“, говорятъ другіе. Указываются также въ этихъ отвѣтахъ и вышеупомянутыя злоупотребленія и требуется существенное измѣненіе конфирмаціи, но рассчитывать, что протестантская церковь приметъ во вниманіе эти голоса, совершенно невозможно: она крѣпко держится за этотъ институтъ и не сдѣлаетъ никакихъ уступокъ.

Что мы ранѣе сказали относительно вліянія гражданскаго закона на крещеніе, то-же самое имѣетъ значеніе и по отношенію къ браку. Съ изданіемъ закона о гражданскомъ бракѣ, число церковныхъ браковъ значительно сократилось, а число гражданскихъ браковъ очень возросло. Но все-же нельзя сказать, что церковный бракъ подвергся осмѣянію,

и если къ нему не приступаютъ, то лишь чисто по практическимъ соображеніямъ и въ силу препятствій со стороны самой церкви. Такса за церковное вѣнчаніе довольно высока, такъ-что человѣку съ среднимъ достаткомъ невольно приходится считаться съ ней, а формальности, требуемыя церковью для вѣнчанія, и слишкомъ неопредѣленны, и отчасти затруднительны и мелочны, такъ-что чтобы избѣжать ихъ, часто прибѣгаютъ къ угрозѣ, что не будутъ вѣнчаться въ церкви, если эти формальности не будутъ отложены въ сторону. И, говоря по правдѣ, эти формальности въ протестантизмѣ прямо бессмысленны: всѣ формальности эти до мелочности выполняются при гражданскомъ заключеніи брака, и только тогда уже выдается свидѣтельство желающимъ для церковнаго вѣнчанія, въ которомъ обозначены всѣ данныя, необходимыя при церковномъ бракѣ. Къ чему же эта придирчивость и формализмъ въ видѣ требованія вновь всѣхъ тѣхъ документовъ, которые предъявлены и оставлены уже у чиновника гражданского состоянія, и требованіе трехънедѣльнаго срока для оглашенія? Это прямо не понятно, не имѣетъ иного смысла, какъ во что-бы то ни стало заруднить церковное вѣнчаніе. А между тѣмъ, не смотря на то, что современное протестантское общество отрицаетъ всѣ церковныя обряды и формы, церковный бракъ до сихъ поръ, даже въ рядахъ социаль-демократіи, пользуется значительнымъ авторитетомъ, ему (браку) даже придается особенное значеніе и здѣсь не сказывается той вражды къ церкви, какъ ко всѣмъ прочимъ ея установленіямъ. „Церковное вѣнчаніе еще долго сохранить свое значеніе, потому что всякая другая форма вѣнчанія не принимаетъ во вниманіе спокойствіе души человѣка (Gemüt), тогда какъ, при столь важномъ актѣ, какъ вѣнчаніе, это спокойствіе прямо неизбѣжное требованіе“, гласятъ отвѣты социаль-демократовъ Раде. Въ виду такого сознанія значенія брака даже у социаль демократовъ, мы позволимъ себѣ краткій разборъ возрѣній на бракъ вождя социаль-демократіи Бебеля, высказанныхъ въ его книгѣ „Женщина и христіанство“, такъ какъ эти возрѣнія и оказали и оказываютъ нѣкоторое вліяніе какъ на рабочій, такъ и на другіе классы протестантизма. Прежде всего, стараясь пропагандировать натуралистическое міровозрѣніе, Бебель утверждаетъ, что каждый имѣетъ

право, даже обязанъ, удовлетворять свое половое влеченіе, что каждый мужчина и всякая женщина, если они не чувствуютъ, потеряли расположеніе другъ къ другу, имѣютъ право прервать свое сожитіе и сойтись съ другими, такъ-какъ въ этомъ случаѣ они поступаютъ болѣе нравственно, чѣмъ если останутся жить другъ съ другомъ ¹⁾. Помимо уже устарѣлости этого воззрѣнія, высказаннаго еще за столѣтіе до Бебеля, я все-же думаю, насколько я лично знаю Бебеля, что самъ Бебель лучше, чѣмъ его воззрѣнія, и что онъ, если-бы кто изъ высшихъ классовъ поступилъ по его совѣту, не нашель-бы достаточно словъ, чтобы публично заклеймить этотъ порокъ и позоръ. Самъ Бебель стоитъ гораздо сильнѣе подъ влияніемъ морали, чѣмъ какъ онъ говоритъ, и это тѣмъ болѣе печально, что этотъ знатокъ человѣка и своего рода все-же строгій моралистъ, злоупотребляетъ своимъ влияніемъ и старается разрушить у другихъ то, что онъ самъ глубоко цѣнитъ, въ силу яко-бы какой-то высшей морали. Въ своей книгѣ онъ обвиняетъ также христіанство въ томъ, что оно проповѣдуетъ презирать женщину, считать ее „дьявольскимъ сосудомъ“, что лучшее положеніе женщины создано не христіанствомъ, а борьбой человѣческой культуры съ христіанскимъ воззрѣніемъ. И эти свои мысли онъ старается подтвердить ссылкой на то, что основатель христіанства, будто-бы, вышелъ изъ еврейской секты, проповѣдующей воздержаніе отъ женщины и оскотленіе себя, дабы не впасть въ грѣхъ. Это-же ученіе о женщинѣ, какъ рабъ своему мужу, будто-бы проповѣдывали и Апостолы Петръ и Павелъ, нѣкоторые изъ церковныхъ учителей, какъ Тертуллианъ, называвшій женщину „вратами въ адъ“, и Оригенъ, считавшій „бракъ чѣмъ-то грѣховнымъ, нечистымъ и средствомъ для удовлетворенія похоти“, это-же, будто-бы, ученіе вполнѣ содержитъ и церковь христіанская, возвѣщающая женщинѣ при вѣнчаніи, что она должна бояться своего мужа, запрещающая бракъ духовнымъ лицамъ (въ католичествѣ) и возводящая аскетизмъ на степень высшей добродѣтели. Конечно, если Бебель имѣетъ въ виду ученія католической церкви, да отчасти и протестантской,

---

¹⁾ Церковь, социаль-демократія, христіанство. Мысли протестантскаго духовнаго лица. Стр. 74—70. Берлинъ. 1897.

о бракѣ, то онъ правъ отчасти: церковное ученіе этихъ направлений христіанства во многомъ разнится съ ученіемъ Евангелія; если-же онъ нападаетъ на Евангельское ученіе, то онъ вполнѣ извращаетъ его. Прежде всего, тотъ, кто знакомъ съ Евангелиемъ, прямо увидитъ, что Христосъ не проповѣдывалъ этого воздержанія и оскотленія, не училъ о преимуществѣ и господствѣ одного пола надъ другимъ, но всѣмъ даровалъ одни и тѣже права—быть дѣтьми Божиими ¹⁾, и въ частности высказалъ столь высокій взглядъ на бракъ ²⁾ и на женщину ³⁾, что всѣ эти утвержденія Бебеля не болѣе какъ намѣренное извращеніе ученія христіанскаго, а не дѣйствительное желаніе безпристрастно обсудить и выяснитъ истинное положеніе дѣла. Если-бы въ христіанствѣ дѣло обстояло именно такъ, какъ говоритъ Бебель, то какъ объяснить тотъ фактъ, что женщины съ великимъ воодушевленіемъ приняли и принимаютъ христіанство, въ немъ находили и находятъ высшую свободу для себя и ничуть не считаютъ себя ниже мужчины, а тѣмъ болѣе рабой мужчины? Очевидно, Бебель лишь произвольно и слѣпо хватается за отдѣльныя фразы христіанства и на нихъ хочетъ утвердить свой выводъ, а не на истинномъ смыслѣ христіанства. И такой его выводъ нисколько не лучше вывода нашей жидовской прессы, гдѣ, наприм., устами какого-то Антропова — въ „Новостяхъ“ возвѣщаются такія-же точно истинны: церковь отдаетъ женщину въ рабство и тираннію мужу: онъ можетъ бить, увѣчить жену и никто не въ правѣ препятствовать ему въ этомъ, такъ какъ это его право освящено де церковью. Да, конечно, это право освящено подобными невѣждами, какъ Антроповъ, но никакъ не церковью, которая, освящая бракъ въ таинствѣ, какъ союзъ любви и совершенства⁴⁾, меньше всего думаетъ о какомъ-либо подчиненіи женщины мужинѣ, считаетъ ихъ во всемъ равными другъ другу предъ Богомъ и людьми, такъ-какъ они одинъ духъ и одно тѣло, а ихъ отношенія другъ къ другу должны быть лишь отношеніями любви, которая не знаетъ ни пре-

1) См. Мѣ. XXV, 24—27. Мѣ. XIX. 6. Іоан. XIII. 14.

2) Мѣ. V. 31—32.

3) Іоан. VIII. 7. Лук. VII, 37—50.

4) Колос. III. 14.

возношенія, ни гордости, ни обиды, ни рабства, но лишь знаетъ, что тотъ истинный ея послѣдователь, кто душу свою положить за други своя. Впрочемъ, почему въ жидовской газетѣ и не лягнуть церковь: вѣдь за нее никто не вступится; а вотъ, чтобы лягнуть гражданскій законъ, позволяющій издѣвательство мужа надъ женой, если только оно не дошло до членовредительства, это не въ нашихъ жидовскихъ интересахъ: еще пожалуй въ кутузку посадятъ. — Если Бебель въ своей книгѣ ссылается также на ученіе Апостоловъ и нѣкоторыхъ учителей Церкви, то эта его ссылка тоже не высокаго качества. Тотъ, кто знакомъ съ посланіями Апп. Петра и Павла, увидитъ, что ссылка Бебеля лишь искусный фокусъ, а не дѣйствительная истина ¹⁾. И потому Бебель, усвоивъ себѣ кантовское опредѣленіе „мущина и женщина—суть совокупность человѣческой сущности“, забываетъ слова Спасителя ²⁾, сказанныя задолго до Канта. Не высокой цѣны и ссылка Бебеля на монтанистическія воззрѣнія Тертулліана и на крайнія Оригена: ихъ воззрѣнія не приняты церковью и остаются воззрѣніями частныхъ лицъ. Почему-же не существовать и такимъ частнымъ воззрѣніямъ? Вѣдь и у социаль-демократіи не мало такихъ крайнихъ воззрѣній, не согласныхъ съ общей программой этой партіи, но социаль-демократія вовсе не хочетъ считать ихъ обязательными для всѣхъ. Значитъ, что позволяется мыслить отдѣльнымъ лицамъ теперь, то нельзя отнять свободу мысли и у частныхъ лицъ прошлаго времени.

Грубое извращеніе исторической дѣйствительности со стороны Бебеля и его утвержденіе, что Христосъ проповѣдывалъ скопчество и аскетику. Христосъ училъ, что и мущина и женщина равны предъ Богомъ, что нѣтъ никакихъ различій по состоянію и положенію, что всѣ обязаны служить другъ другу, а не возвышать себя другъ предъ другомъ, слѣдовательно, о какой-либо власти мужа надъ женой не можетъ быть и рѣчи, и это свое ученіе Христосъ засвидѣтельствовалъ на дѣлѣ: у Него были не одни ученики, но и ученицы. Слово дѣлѣ: Онъ столько-же цѣнилъ мущинъ, какъ и женщинъ. Мало того, когда привели

¹⁾ См. 1 Петр. I. 40. Галат. III. 26—28.

²⁾ Мат. XIX. 6.

къ Нему блудницу, какъ будто она одна была повинна въ грѣхѣ, нечистая и искусительница, Онъ сказалъ обвинителямъ: „кто изъ васъ безъ грѣха, пусть бросить въ нее первый камень“ ¹⁾, и этимъ показалъ, что вина не на одной лишь сторонѣ женщины, но и мужчины. А кто еще прочтетъ, что Христось среди вечери беретъ подъ свое покровительство грѣшную жену²⁾, тотъ не только пойметъ, что всѣ эти утверженія Бебеля небылица, но и увидитъ, что Христось, присутствующій на бракѣ въ Канѣ Галилейской, неоднократно принимавшій участіе въ пирѣ богачей, не отвергнувшій помазаніе Себя драгоценнымъ муромъ, терпѣвшій упреки со стороны противниковъ, что Онъ принимаетъ грѣшниковъ, ѣсть, пьетъ съ ними, и проводитъ жизнь не съ аскетами, питающимися растеніями, медомъ и водой, а съ мытырями и грѣшниками, не былъ и не могъ быть аскетомъ; а тѣмъ болѣе не могъ быть проповѣдникомъ крайнихъ аскетическихъ воззрѣній на женщину и на жизнь, проповѣдникомъ строгаго воздержанія иногда, какъ у Оригена, преувеличеннаго до скопчества. Такую аскетику церковь отрицала и отрицаетъ, какъ не имѣющую основанія ни въ жизни Спасителя, ни въ Его ученіи. Если-же Христось и не учредилъ аскетическаго направленія жизни, но тѣмъ не менѣе церковь приняла аскетовъ въ число своихъ членовъ, то этимъ лишь указываетъ, что церковь никого не стѣсняетъ въ выборѣ средствъ для своего спасенія. Страхитя кто-либо спастись въ мірѣ, находить для себя лучшее вести уединенную, аскетическую жизнь, церковь не осуждаетъ это направленіе и позволяетъ его, предоставляя полную свободу личности въ дѣлѣ духовнаго самосовершенствованія. И, въ этомъ отношеніи, православная церковь особенно ясно выразила свой взглядъ на аскетику, когда устами своихъ святыхъ людей и аскетовъ выразила: „не спасутъ черныя ризы челоуѣка“, и этимъ прямо указала, что аскетика, какъ внѣшняя форма проявленія, ни мало не полезна, если она не соединяется съ аскетикой внутренней.

Изъ этого, само собой понятно, что, если Бебель въ своей

¹⁾ Иоан. VIII, 7.

²⁾ Лк. VII, 37—50.

книгѣ проповѣдуетъ, что христіанство есть религія строгаго воздержанія и презрѣнія къ женщинѣ и сражается съ этимъ, то онъ самъ находится въ заблужденіи и не замѣчаетъ, что проповѣдуетъ старыя истины христіанства, будто-бы имъ самимъ лишь открытыя. Еще менѣе замѣчаетъ онъ, что его мысли о свободномъ прекращеніи брака и полной половой свободѣ совсѣмъ не пользуются авторитетомъ у его послѣдователей, которые, въ отвѣтахъ присланныхъ Раде, не только отрицаютъ эту легкость разрыва брачныхъ узъ, но называютъ бракъ „хорошимъ, прекраснымъ, совершеннѣйшимъ учрежденіемъ на землѣ, высшимъ счастіемъ, частью неба на землѣ, раемъ, радостью и любовью въ ихъ высшемъ проявленіи нашего земного бытія“. Итакъ, приходится невольно сказать Бебелю, по поводу его книги: „своя своихъ не познаша“.

Впрочемъ, нужно сказать, что если Бебель и нападаетъ на бракъ, какъ на средство подчиненія женщины мужчинѣ, то въ данномъ случаѣ онъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду современное положеніе протестантской женщины, буквально порабощенной даже до мелочей мужу, а равно и шаткость тѣхъ воззрѣній протестантства на бракъ, какъ эти воззрѣнія выражены Лютеромъ. Лютеръ не смотрѣлъ на бракъ какъ на нѣчто высшее, чѣмъ чувственное требованіе того и другого пола, признавалъ это чувственное требованіе наслѣдіемъ первороднаго грѣха и не могъ отрѣшиться отъ привитаго ему католичествомъ воззрѣнія, что бракъ есть грѣхъ, разрѣшаемый лишь во избѣжаніе вспышекъ похоти, и что высшую цѣну имѣетъ безбрачіе и воздержность, хотя-бы изрѣдка и нарушаемая человѣкомъ. И этотъ свой взглядъ Лютеръ проводилъ такъ далеко, что считалъ возможнымъ и допустимымъ второй бракъ, при живой женѣ, какъ онъ это и разрѣшилъ въ 1539 году Ландграфу Гессенскому, а равно считалъ возможнымъ и даже законнымъ, чтобы мужъ, неспособный къ брачной жизни, самъ нашелъ женѣ подходящаго субъекта для удовлетворенія ея чувственности¹⁾. При такомъ взглядѣ на бракъ со стороны этого реформатора,

¹⁾ X. Шремфъ. Мартинъ Лютеръ, переведенный съ христіанскаго на человѣческое. Стр. 110—115. Штудгардтъ. 1901. Martin Luther aus dem Christlichen in's menschliche übersetzt.

весьма понятно, что бракъ въ протестантствѣ, утративъ силу таинства, обратился въ простую церковную форму закрѣпленія женщины мужчиной, противъ чего и возстаетъ Бебель, смѣшивая протестантское воззрѣніе на бракъ съ дѣйствительно христіанскимъ воззрѣніемъ на тотъ-же предметъ.

Если введеніе закона о гражданскомъ состояніи способствовало отмѣнѣ платы за крещеніе и вѣнчаніе во многихъ мѣстахъ Германіи, то эта плата осталась всюду не отмѣненной за погребеніе, которое оплачивалось всѣми и въ селахъ и городахъ безпрекословно. Гебгардтъ даже утверждаетъ ¹⁾, что чувства народа въ этомъ отношеніи всецѣло на сторонѣ церковнаго погребенія, и что, поэтому, плата за него не играла никакого вліянія на число церковныхъ погребеній. Съ мнѣніемъ Гебгардта, что плата не имѣла вліянія на количество церковныхъ погребеній, я, пожалуй, согласенъ, но съ его утвержденіемъ, что чувство народа всецѣло на сторонѣ церковнаго погребенія, я не могу согласиться. Прежде всего, изъ личнаго знакомства, я знаю, что дѣти большею частью погребаются безъ участія пастора, а это уже не говоритъ за то, что протестантскій народъ стоитъ за церковное погребеніе. И это мое наблюденіе всецѣло подтверждается отвѣтами, полученными Раде на этотъ вопросъ. Изъ этихъ отвѣтовъ мы можемъ ясно усматривать, что обычай церковнаго погребенія подвергается рѣзкой критикѣ изъ всѣхъ классовъ протестантскаго общества. Вотъ нѣсколько отвѣтовъ по этому вопросу. „Быть можетъ, иной и получить утѣшеніе при погребеніи чрезъ соболѣзнованіе пастора, но я долженъ сказать, что меня просто бѣсятъ погребальныя рѣчи пасторовъ: онѣ равно чужды, какъ усопшему, такъ и оставшимся послѣ него. Прямо исключеніе, если пасторъ скажетъ то, что нужно сказать; еще болѣе исключеніе, чтобы его рѣчь была пріятна оставшимся, такъ-какъ рѣдко кто охотно готовъ выслушать истину“. „Погребеніе съ участіемъ пастора возмущаетъ меня: это прямо безобразіе и издѣвательство“. „Я никогда не слыхалъ и не замѣчалъ, чтобы оставшіеся получили утѣшеніе въ скорби чрезъ рѣчь, хотябы и хорошую, пастора“. „Рѣчь пастора при погребеніи для меня самое отвратительное, что я только могу представить,

1) Цит. соч. стр. 337.

если даже пасторъ и не беретъ никакого вознагражденія за нее. Ужь если нужно для оставшихся присутствіе пастора, то почему онъ, вмѣсто своей рѣчи, не произнесетъ молитву, прошеніе объ утѣшеніи оставшихся и не позаботится, гдѣ возможно, оказать практическую помощь. Это все-же, быть можетъ, сгладитъ отвращеніе къ его присутствію при погребеніи“. Изъ приведенныхъ отвѣтовъ, кажется, ясно, что чувство народа далеко не на сторонѣ церковнаго погребенія и особенно не на сторонѣ погребальныхъ рѣчей пасторовъ, каковыя рѣчи собственно и составляютъ сущность протестантскаго обряда погребенія. И если нѣкоторые пасторы придаютъ погребальнымъ рѣчамъ огромное значеніе — въ смыслѣ привлеченія къ христіанству родныхъ и присутствующихъ при погребеніи, то, кажется, они добросовѣстно заблуждаются: тотъ вредъ, какой происходитъ отъ критики ихъ рѣчей, не окупается той пользой, на какую рассчитаны эти рѣчи, довольно часто, притомъ, въ самихъ себѣ носящія основательный поводъ для критики.

Но если, какъ мы указали, отъ протестантства, созданнаго Лютеромъ, на дѣлѣ остается очень малое, то интересно познакомиться, какъ теперешній протестантскій народъ смотритъ на личность своего основателя и на его дѣло. Протестантскіе историки и либералы создали изъ личности Лютера чуть не генія и имъ вторили и вторятъ наши—слѣдые послѣдователи нѣмецкой науки и либерализма. Кто изъ насъ не читалъ хвалебныхъ одъ Лютеру? Восхваляютъ его и какъ творца свободы совѣсти, и какъ освободителя отъ папскаго ига, и какъ мужественнаго борца за человѣческую свободу, и какъ жизнерадостнаго человѣка, слова котораго: „кто не любитъ вина, женщинъ и пѣнія—тотъ дуракъ на всю жизнь“ стали ходячей монетой въ полуобразованныхъ кругахъ общества. Далеко иной взглядъ господствуетъ на Лютера въ средѣ народной и въ средѣ рабочаго класса. Простой народъ и рабочій классъ настроены прямо враждебно противъ Лютера: они не знаютъ за нимъ никакой иной роли, кромѣ какъ угнетателя народа, реформатора, потрясшаго нравственные устои жизни, провозвѣстника абсолютизма княжеской власти, теолога-буржуа, который стремился не къ истинѣ, а къ упроченію и утверженію буржуазныхъ правъ въ ущербъ народу. Лютеръ, по воззрѣніямъ народа и рабочаго класса.

тиранъ и кровопійца, внушавшій князьямъ, что жестокость—единственное средство удержать народъ въ повиновеніи, что народу не нужно дѣлать никакихъ послабленій, не нужно давать образованія и правъ, но нужно смотрѣть на него лишь какъ на рабочую силу, обязанную служить абсолютизму властителей. Всѣ права,—и физическія, и нравственныя,—излишняя роскошь для народа: онѣ принадлежать лишь владѣтелямъ, которые и могутъ пользоваться ими по произволу, могутъ ограничивать и мѣнять ихъ и пользоваться ими по своему усмотрѣнію. Что такой взглядъ народа и рабочаго класса имѣетъ за себя историческую правду—отрицать нельзя, да это не отрицаютъ и безпристрастные историки. Для нихъ не тайна страстные требованія Лютера, разосланныя князьямъ и владѣтелямъ, бить и истреблять какъ дикихъ звѣрей подлыхъ и бездѣльныхъ крестьянъ, не тайна и то, что Лютеръ все разрѣшалъ владѣтелямъ до двоеженства включительно (Филиппу Гессенскому) и все, кромѣ низайшаго повиновенія и безпредѣльной почтительности, воспрещалъ народу. И трезвый взглядъ народа и рабочаго класса на Лютера является не новостью, а лишь подтвержденіемъ фактическихъ и исторически-правдивыхъ и безпристрастныхъ изслѣдованій о Лютерѣ. Понятно, что, при такомъ возрѣніи на Лютера, народъ и рабочій классъ далеки и отъ хвалебныхъ гимновъ дѣлу Лютера—реформаціи. За ней они не признаютъ никакого особеннаго значенія, какъ это стараются сдѣлать либералы-историки, и приписываютъ реформаціи лишь слѣдующую цѣну въ отвѣтахъ, присланныхъ Раде: „Реформація—бабья болтовня для поповъ и денежный вопросъ для князей и владѣтелей (конфискація церковныхъ и частныхъ земель и имуществъ)“. И, если судить по совѣсти, такой взглядъ народа и рабочаго класса не такъ ужъ далекъ отъ истины, какъ кажется на первый взглядъ. Самъ народъ въ дѣлѣ реформаціи не игралъ никакой роли: реформація была ему навязана и была полезна единственно лишь духовенству и князьямъ и владѣтелямъ. Приписывать реформаціи особое вліяніе въ дѣлѣ просвѣщенія средне-вѣковаго міра исторически нельзя: это движеніе началось почти за столѣтіе ранѣе и сама реформація обязана своимъ появленіемъ этому движенію, а не оно ей. Если-бы католицизмъ не былъ столь нетерпимъ къ этимъ

проблескамъ человѣческой мысли и во время отрѣшился отъ своего абсолютизма и косности, то не явилась-бы и реформація съ ея кровавыми жертвами, и человѣчество шло бы по пути развитія безъ потоковъ крови. И привѣтствовать реформацію, какъ новую эру въ исторіи, приписывать ей богатые плоды въ дѣлѣ умственнаго развитія народовъ— исторически не возможно: это преувеличеніе и натяжка, а не историческая правда.

Безнадежное религіозное состояніе современнаго протестантскаго запада естественно заставляеть насъ, въ заключеніе нашего очерка коснуться еще нравственнаго состоянія и нравственныхъ воззрѣній протестантизма. И въ данномъ отношеніи намъ приходится совершенно безпристрастно лишь констатировать тотъ фактъ, что съ потерей религіознаго сознанія—много потеряли и сама нравственность и нравственныя воззрѣнія протестантовъ. Не малое влияніе оказала въ данномъ отношеніи на протестантское общество та масса сочиненій, усердно распространяемыхъ среди народа и социаль-демократіей, и натуралистами, и представителями этическихъ обществъ, въ которыхъ внушается и доказывается, что нравственность, нравственныя воззрѣнія не имѣютъ никакой связи съ религіей, что нравственность и нравственныя воззрѣнія извѣстнаго времени—есть лишь слѣдствіе экономическихъ условій этого времени, что всѣ проступки, пороки и преступленія—суть результатъ печальнаго экономическаго состоянія народа, и съ улучшеніемъ этихъ экономическихъ условій исчезнутъ сами собой. И такое одностороннее воззрѣніе,—обнаруживающее свою несостоятельность уже самою своею узостью, не принимающей въ расчетъ другихъ факторовъ морали, какъ религія, государственное право и законъ, образцы изъ жизни отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народностей,—можно сказать, вошло въ плоть и кровь протестантскаго народа и почти совершенно убило нравственность и нравственныя воззрѣнія, поставивъ на ихъ мѣсто лишь страхъ наказанія со стороны государства уже за слишкомъ явное нарушеніе благопристойности. И что всего удивительнѣе, такъ это то, что приверженцы этого воззрѣнія совершенно не хотятъ понять того противорѣчія, какое заключается въ этомъ воззрѣніи. Разъ мораль есть продуктъ экономическаго строя общества, а не дѣло свободы отдѣль-

наго лица, то ясно само собой, что никому нельзя и дѣлать упрековъ въ несоблюденіи морали. Не такъ поступаютъ защитники этого воззрѣнія: они не находятъ достаточно сильныхъ красокъ, чтобы бичевать не моральныя дѣйствія высшихъ и обезпеченныхъ классовъ, но вѣдь и эти классы—продуктъ экономическаго строя: за что-же тогда бичевать ихъ? И если еще можно согласиться, что, и при такомъ раціоналистическомъ и нигилистическомъ воззрѣніи на мораль, она еще въ состояніи влачить свое существованіе въ видѣ внѣшней честности у образованныхъ классовъ, то нельзя также и отрицать, что если религія у низшихъ классовъ выброшена за бортъ, то съ ней вмѣстѣ выброшена и нравственность. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ полнаго вниманія слова хорошаго знатока протестантскаго народа ¹⁾: „Раціонализмъ съ его основными положеніями приличія и умѣренной службы естественнымъ похотямъ человѣка можетъ еще удовлетворить на нѣкоторое время и такъ сказать обмануть внѣшней честностью такъ называемыхъ образованныхъ лицъ, а для простого рабочаго не можетъ быть иного вывода: или религія и мораль, или-же вовсе нѣтъ ничего. И если невѣріе высшихъ классовъ еще сдерживается нѣсколько приличіемъ, то у пролетаріата, рабочихъ и фабричныхъ оно не имѣетъ иныхъ границъ кромѣ страха предъ каторжной тюрьмой“. И едвали это сужденіе можно заподозрить въ пристрастіи. Конечно, произнести окончательное, соответствующее дѣйствительности сужденіе о состояніи морали и моральныхъ воззрѣній протестанскаго запада очень трудно. Здѣсь играетъ роль и личный опытъ cadaго, и неодинаковость моральнаго уровня различныхъ классовъ общества, и своего рода легкая возможность впасть въ преувеличеніе при сравненіи современнаго моральнаго состоянія общества съ моральнымъ состояніемъ предковъ, забывая, что „дни всегда лукавы“ ²⁾, но все-же уголовная статистика наглядно даетъ понять, что если въ 1882-мъ году на сто тысячъ человѣкъ приходилось лишь 10⁰/о штрафованныхъ, то въ 1900-мъ году это число возрасло до 20⁰/о. И что всего печальнѣе, такъ это то, что

¹⁾ Бюксель. Воспоминанія изъ жизни сельскаго пастора. Т. I. Стр. 138 и дал.

²⁾ Ефес. V. 16.

эти штрафы падаютъ въ значительно большемъ количествѣ на проступки и преступленія противъ собственности. Еще печальнѣе выводы статистики относительно штрафовъ подростковъ: эти выводы за указанное время показываютъ, что штрафы возрасли на 52⁰/₀, а естественный приростъ молодого поколѣнія сказался лишь въ 13⁰/₀. Если къ этому прибавить еще, что не всѣ проступки и преступленія, какъ, на прим., оскорбленія, кражи и т. д., наказываются закономъ, потомучто большая часть ихъ, изъ нежеланія непріятностей, даже и не объявляются, то картина нравственнаго состоянія протестантскаго запада никакъ не можетъ быть названа свѣтлой. И это вполне понятно и объяснимо. На западѣ въ настоящій моментъ преобладаетъ формальная, мертвая церковность и ожидать отъ нея какого-либо вліянія на нравственный укладъ общества не возможно. Живость пониманія христіанства и его дѣйственность на внутренній строй человѣка—неоспоримы, потому что въ немъ (христіанствѣ) заключается великая мощь, способная измѣнить даже самаго дурнаго человѣка къ лучшему, если онъ внутренне проникнуть истинами христіанства, живетъ ими и въ нихъ находитъ для себя высшее благо. Но этой-то живости мы будемъ напрасно искать на протестантскомъ западѣ: здѣсь можно найти лишь внѣшнюю религіозность, заключающуюся во внѣшнемъ признаніи церковнаго ученія, безъ всякаго желанія самому подумать объ этомъ ученіи, въ посѣщеніи, при случаѣ, церкви и признаніи кой какихъ обрядовъ, а отъ этого ожидать какого-либо значительнаго вліянія на нравственный строй жизни протестантскаго общества весьма трудно. Протестантскій народъ руководится въ своихъ дѣлахъ и поступкахъ не надеждой на вѣчную, будущую жизнь, не страхомъ вѣчнаго осужденія: эти мотивы для дѣйствій и поступковъ въ протестантскомъ народѣ давно уже исчезли, но лишь надеждой на земное благополучіе, страхомъ Божескаго наказанія здѣсь на землѣ. Но и эти мотивы не играютъ въ жизни особеннаго значенія: гораздо большее значеніе для дѣйствій и поступковъ имѣютъ тѣ нравственныя воззрѣнія, какія приняты въ окружающей средѣ и особенно у родителей. И для большинства людей эти воззрѣнія сдѣлались привычкой и играютъ главную роль въ ихъ жизни: имъ слѣдуютъ безъ всякаго разсужденія, не уклоняются отъ

нихъ, но за то и не имѣютъ никакого понятія о внутренней борьбѣ при искушеніяхъ: мысль о Богѣ и Его заповѣдяхъ здѣсь совершенно отсутствуетъ, и на первомъ планѣ стоитъ боязнь за дурныя дѣйствія и поступки, противорѣчащія пониманію окружающей среды, потерпѣть матеріальный ущербъ и судебное наказаніе. Какого-либо понятія о грѣхѣ въ современномъ протестантскомъ обществѣ совершенно нѣтъ: нѣтъ здѣсь также и помина о благочестіи и авторитетѣ: для девяти десятыхъ протестантскаго запада нѣтъ ничего святого и почтеннаго: все безгрѣшно, потому что естественно. И, въ силу этого, каждый стремится всѣми силами и средствами къ возможно большей мѣрѣ наслажденія жизнью и видитъ въ немъ высшее, единственно - прочное благо для жизни. Въ виду этого, о нравственной чистотѣ жизни не можетъ быть и рѣчи: совѣсть о плотскомъ половомъ грѣхѣ давнымъ давно вымерла; о ней напоминаетъ лишь гражданскій законъ своими массовыми приговорами за безнравственность, каковыя приговоры, впрочемъ, никого не устрашаютъ и ни капли не улучшаютъ сущность дѣла. Безчисленныя дѣтоубійства незаконныхъ дѣтей цестрятъ страницы газетъ всѣхъ направленій: дитя въ пониманіи большей части народа, беспомощный звѣрокъ, убить котораго не большее преступленіе, чѣмъ зарѣзать курицу или утку. Самый бракъ сдѣлался лишь удобной ширмой прикрыть плотскую разнузданность. И фактъ, что многіе мужья живутъ на счетъ торговли тѣломъ своихъ женъ, самое краснорѣчивое свидѣтельство этого. Не менѣе краснорѣчивое свидѣтельство и тотъ фактъ, что жена наказуется за безнравственность лишь въ томъ случаѣ, если ея безнравственность сопряжена съ матеріальнымъ ущербомъ для мужа. Лучшій отвѣтъ на вопросъ: „какими свойствами долженъ обладать хорошій человѣкъ“? несутъ отвѣты корреспондентовъ Раде, причемъ эти отвѣты могутъ быть сведены въ одну рубрику: „хорошій человѣкъ долженъ быть откровененъ, не коваренъ и не лѣнивъ, но прилеженъ и не пугливъ“. Вотъ весь кодексъ нравственныхъ требованій, предъявляемыхъ къ хорошему протестанту! Какъ видится — онъ не особенно великъ и тяжелъ. Въ немъ даже не упоминается о честности и правдивости, да впрочемъ и упоминать излишне: это отжившія понятія, что особенно ясно сви-

дѣтельствуеть Гебгардъ¹⁾. „Ложь и нечестность для крестьянина вполне позволительны и законны, если чрезъ нихъ онъ избѣгаетъ матеріальнаго вреда, и подъ понятіе лжи по нуждѣ онъ подводитъ всякую неправду и словомъ и дѣломъ. Онъ накажетъ ребенка сильнѣе за разбитую тарелку, чѣмъ за безстыдную ложь,—мало этого, самъ поощряетъ ребенка ко лжи, когда внушаетъ ему при томъ или иномъ случаѣ, что не долженъ говорить правды, а долженъ сказать то-то и то-то“. И нужно признаться, что пресловутая нѣмецкая честность стала въ настоящее время притчей во языцѣхъ и стала близка къ честности еврея и цыгана, готоваго произнести какую угодно клятву, чтобы хотя на грошъ, но все же надуть покупателя.—Сознанія долга трудиться не для себя лишь лично, но и для общаго блага, мы напрасно будемъ искать въ нѣмецкомъ народѣ: объ этомъ здѣсь больше разсуждаютъ, чѣмъ дѣлаютъ, предоставляютъ кому угодно устранять общественныя бѣдствія, но сами не внесутъ въ это дѣло иной лепты, кромѣ случайно высказаннаго сожалѣнія. Такимъ образомъ, эта нѣмецкая добродѣтель, столь восхваляемая всюду, есть не болѣе какъ рѣчь о добродѣтели, а не сама она. Богатый и знатный человекъ скорѣе заплотитъ свои карточные долги, чѣмъ удѣлитъ отъ своего богатства хотя кроху для облегченія несчастія бѣдняка, скорѣе, въ стремленіи къ наслажденію, развратитъ и броситъ въ грязь порока несчастную служанку, чѣмъ протянетъ руку помощи, дабы выбрать изъ этого омута. Вообще, нужно признаться, что упадокъ нравственности и нравственныхъ воззрѣній въ нѣмецкомъ народѣ принялъ угрожающій характеръ и поражаетъ не только посторонняго изслѣдователя, но и лицъ близко стоящихъ къ народу и освѣдомленныхъ хорошо въ этомъ вопросѣ, какъ, наприм., пасторы, учителя и др.

Итакъ, картина религіозно-нравственнаго состоянія протестантскаго запада достаточно мрачна: всюду, начиная съ высшихъ классовъ и кончая низшими, царитъ невѣріе, вражда противъ христіанства, которой не знало прежнее время. Если еще кой-гдѣ и сохранились остатки вѣры, то эти мѣстности представляютъ лишь чрезвычайно малые оазисы во

¹⁾ Къ крестьянскому вѣро-и-нравоученію стр. 87.

всеобщей пустынь невѣрія протестантскаго запада, такъ-какъ противохристіанское міровоззрѣніе быстро идетъ и распространяется даже въ самыхъ глухихъ уголкахъ. Даже тѣ, кто выросъ въ началахъ вѣры, твердо воспитанъ въ ней родителями, въ нѣсколько недѣль теряютъ ее при соприкосновеніи съ волнами невѣрія въ большихъ городахъ, выбрасываютъ вѣру за бортъ и становятся рьяными безбожниками. Стоитъ лишь даже поверхностно присмотрѣться къ этому невѣрью, какъ невольно придутъ на память слова пророка Іереміи ¹⁾: „Пройде жатва, мимоиде лѣто, и мы нѣсмы спасени. Надъ сокрушеіемъ дщере людей моихъ сокрушенъ есмь, и скорбень. Во ужасѣ объяша мя болѣзни, аки раждающія. Или ритіны нѣсть въ Галаадѣ; или врача нѣсть тамо; чесо ради нѣсть исцѣлена рана дщере людей моихъ“. Ахъ, много средствъ было примѣнено противъ этого недуга, но ни одно не оправдало тѣхъ ожиданій, какія возлагались на него. Много было и врачей противъ этого недуга, но и они не въ силахъ были исцѣлить эту язву протестантскаго запада. Какъ много ожидали отъ учрежденій „внутренней миссіи евангелической церкви“ ²⁾ полагаали, болѣе, были увѣрены, что она исцѣлитъ язвы современности, поражающія народную жизнь, но ожиданія и остались ожиданіями, не смотря на устройство рабочихъ союзовъ, имѣющихъ цѣлью оберегать рабочихъ отъ невѣрія и утверждать въ христіанствѣ, не смотря на христіанско-соціальныя реформы, направленныя противъ соціаль-демократіи, не смотря на школы, призванныя на службу протестантской церкви, не смотря на современную евангелизацію для оживленія вѣры въ сельскихъ общинахъ,—дѣло стало не только не лучше, но еще гораздо хуже: невѣріе выросло и пустило такіе корни, что ожидать его прекращенія невозможно; нравственность опустилась настолько, что къ ней примѣнимо воззрѣніе дикаря на добро и зло: „я укралъ чужую жену—хорошо; у меня украли жену—худо“. И тридцать первый конгрессъ внутренней миссіи, бывшій въ г. Ейзенахъ въ сентябрѣ 1901 года, не нашелъ никакихъ иныхъ средствъ для борьбы

¹⁾ Іереміи, VIII. 20—22.

²⁾ См. І. Х. Вихернъ. „Внутренняя миссія нѣмецкой евангелической церкви“. Гамбургъ. 1889.

съ этимъ зломъ, какъ просить государство своей силой оказать поддержку евангелической церкви, т. е. проще говоря,—если опустить его рѣшеніе дѣйствовать на зло чрезъ женщинъ и діакониссъ въ качествѣ сестеръ милосердія,—обращать къ евангелической вѣрѣ и насаждать нравственность путемъ государственнаго насилія. Прекрасная мѣра, вполне достойная протестантизма съ его мнимой свободой вѣроисповѣданія!

Не помогли этому недугу и шарлатаны протестантизма, какъ Эгиди съ его тривиальнымъ и поверхностнымъ рационализмомъ, или какъ представители этической культуры, не принесшіе добра ни этикѣ, ни культурѣ, и представители арміи спасенія съ ихъ скоморошеской обстановкой. Болѣзнь невѣрія, уже вошла въ плоть и кровь протестантскаго запада и противъ нея трудно искать средствъ, порокъ нашель себѣ права гражданства на протестантскомъ западѣ, и ни церковь, ни законъ не въ состояніи остановить его.

Н. Писаревскій.

Веймаръ 1901 г.
